

Меченоевения

Восхитительная смесь детектива,
фэнтези и романтики.

Bookpage

ЭМИЛИ БЕЙН МЕРФИ

#YoungDetective

Эмили Бейн Мерфи

Исчезновения

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

Мерфи Э.

Исчезновения / Э. Мерфи — «Издательство АСТ»,
2017 — (#YoungDetective)

ISBN 978-5-17-110802-1

Осень 1942 года. Оставшись без родителей, шестнадцатилетняя Айла Куинн и ее младший брат Майлз отправляются в провинциальный городок Стерлинг, где их готова приютить семья маминой старой подруги миссис Клиффтон. Перед отъездом Айла успевает захватить с собой любимую книгу мамы – старый сборник поэм Шекспира – и ее обручальное кольцо. Через какое-то время Айла и Майлз понимают, что в Стерлинге происходит что-то непонятное... и очень странное. Что-то, что нельзя объяснить логически. Приоткрывая тайны городка, Айла начинает подозревать, что ключ к разгадке всего находится в старой книге их мамы, Джульет... или в самой Джульет, которую Айла, как оказывается, совсем не знала.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110802-1

© Мерфи Э., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эмили Бейн Мерфи

Исчезновения

Emily Bain Murphy
THE DISAPPEARANCES

Печатается с разрешения литературных агентств The Park Literary Group и Andrew Nurnberg

Copyright © 2017 by Emily Bain Murphy
Е. Сибуль, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

В оформлении использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

Шорт-лист премии Waterstones Children's Book Award 2018

Магия, опасность и тайны прошлого наполняют «Исчезновения». Будьте осторожны, или вы рискуете потерять себя в этом странном и загадочном мире, где вопрос «чем ты готов пожертвовать во имя любви?» приобретает совершенно новое значение. Я в восторге!

Стефани Гарбер, автор бестселлера «Карнаваль»

Амбициозный дебют... искусно сплетенный мир из загадок, волшебства и литературных аллюзий, в котором легко исчезнуть навсегда.

Booklist

Мерфи удалось создать свежий и оригинальный роман, одновременно интеллектуальный и захватывающий, который понравится любителям как сложного, так и увлекательного чтения.

VOYA

*Посвящается Грегу, Джеймсу и Сесилии.
Вы – сердца, нарисованные на моей руке.*

*Отвратительно назначать цену тому немногому в жизни, на что
каждый человек имеет полное право.*

«Мифы, легенды и предания: история Стерлинга»

*Спектакль окончился, актеры наши,
Как я уже сказал вам, были духи,
И в воздух, в воздух испарились все.
И, как видений зыбкая основа,
Все башни гордые, дворцы, палаты,
Торжественные храмы, шар земной
Со всем, что есть на нем, все испарится,
Как бестелесные комедианты, даже
Следа не оставляя.*

Уильям Шекспир, «Буря» (пер. М. А. Кузмина)

Глава 1

*Гарднер, Коннектикут
27 сентября 1942 года*

Мне нужно что-то, принадлежавшее ей.

Внизу стоит чашка, которой она пользовалась в последний раз перед смертью. Она не допила свой кофе с цикорием тем утром, и на фарфоре остался едва заметный круг. Ее помада отпечаталась памятным красным пятном по краю. Прошло три недели, а я так и не осмелилась стереть его.

Но мне нужно выбрать не чашку. Ничто хрупкое не переживет сегодняшний день.

– Айла. – Кэсс открывает дверь моей спальни. Ее светлые волосы заплетены в косу и заколоты наверх, а большие глаза темнее, чем обычно. – Твой отец говорит, что я могу пойти с вами на железнодорожную станцию, но нужно отправляться через пять минут.

– Я буду готова, – говорю тихо, – я бы больше волновалась о Майлзе.

Она кивает и снова исчезает в коридоре. Ее шаги слышны на скрипучих досках пола, а потом дом снова возвращается к торжественной тишине, такой, что почти можно услышать, как оседает пыль. Слово мы уже его оставили.

Пять минут.

Я иду в комнату родителей.

В ней прибрались с прошлого раза, когда я была здесь, в день поминок мамы. Теперь кровать заправлена. Все цветы унесли. С ее туалетного столика убрали всю косметику и даже драгоценный стеклянный флакон духов Joy, который она всегда держала на виду, но которым редко пользовалась. Открываю ее ящички, провожу пальцами по ее украшениям, но они все запутались и слишком яркие, и я хочу оставить их там, где их оставила она. Слово она могла бы прийти в любую секунду и нацепить свои большие уродливые сережки, такие же яркие и зубчатые, как солнце.

Я поворачиваюсь к книжной полке. Ее тоже привели в порядок, но мне больше нравилось, как она выглядела раньше, с плотно засунутыми под разными углами книгами, которые в любой момент могли упасть мне на ноги.

На глаза попадает большой том в кожаном переплете, из-за его внушительного корешка все другие книги кажутся маленькими. Я раньше его никогда не видела. Опускаюсь на колени перед ним и чувствую то тонкое место в ковре, где он протерся практически до пола.

Я вытаскиваю книгу и пролистываю ее. Странички шелестят, касаясь моих пальцев, тихо и мягко, как крылышки мотыльков. Это Шекспир, сборник пьес и поэм, и почерк моей мамы повсюду, заполнивший поля и промежутки между строчками словами, написанными чернилами разных цветов. Страницы книги пожелтели, словно эта книга была у мамы давно. Интересно, где она пряталась до этого?

К задней стороне обложки приклеен конверт. На нем ничего не написано, и он не запечатан, а внутри есть записка.

– Айла! Майлз! – голос отца звучит из кухни.

– Иду! – отвечаю я.

Записка написана недавно. Я могу это определить по дрожащему почерку мамы, когда уже приближался конец. В ней написано:

*Стивен! Ты найдешь то, что просил, здесь. Я всегда буду тебя любить.
Твоя Виола*

Мое внимание задерживается на двух именах. Потому что первое не принадлежит моему отцу. А второе, несмотря на почерк мамы, – не ее имя. Мама была *другой* известной шекспировской героиней. Той, что тоже умерла рано.

Джульеттой.

– Айла! – снова зовет отец. В этот раз его голос звучит, скорее, как предупреждение. «Оставь, – думаю я. – Шекспир тебе даже не нравится».

И, может быть, я не хочу знать, кто такой Стивен.

Кладу книгу обратно на полку и решаю, что хочу забрать чашку. Это мама, какой я ее помню, надежная и знакомая, и чашка все еще хранит ее прикосновение. Я возьму ее, даже если мне придется всю дорогу держать ее на открытых, как бабочка, ладонках.

Спешу вниз по узким ступеням, которые с каждым годом все больше и больше крятся направо. Я нигде не жила, кроме этого дома, который мы с любовью называли Склон, и знаю, где нужно положить руку на перила, чтобы удержать равновесие, и куда ступать, чтобы ступеньки не скрипели. Когда спускаюсь до конца лестницы, различаю голос нашей соседки миссис Рейд. Она на кухне с отцом, выслушивает последние инструкции по присмотру за Склоном, пока нас не будет. Она открывает и закрывает шкафчики, и я уверена, что это она переставляла книги мамы. Может, из-за чувства вины.

– Мне жаль, Гарольд, правда, что мы не можем забрать детей, – говорит она.

Я останавливаюсь на ступенях в тени. Мне видны только ее ноги в чулках и изношенная кожа туфель, но я представляю, как она поджимает губы, а ее легкие белые волосы всегда выглядят так, словно их разметал ветер.

– Учитывая здоровье Эрла, мне думается, что мы не справимся с ними обоими.

Она имеет в виду, что взяла бы меня, но не Майлза. Она не хочет быть ответственной, когда он непременно что-то украдет или подожжет. Морщины на туфлях миссис Рейд становятся глубже, когда она переносит вес на другую ногу.

– Я думала, что кто-нибудь другой в городе точно сможет помочь, но...

– Но, к счастью, мы нашли другой вариант, – сухо отвечает отец. Потом он поворачивается, чтобы снова крикнуть, но я появляюсь перед ним до того, как он произносит мое имя.

– Я здесь, – говорю. Мои глаза переходят от чересчур нарумяненных щек миссис Рейд к ее рукам, в которых она что-то нервно вертит. Полотенце с вышитым узором из зеленых листьев... и вымытую чашку моей мамы.

Я сглатываю.

– Я кое-что забыла, – говорю, поворачиваясь, и бегу наверх по лестнице. Еще раз дотрагиваюсь до аккуратно висящих в шкафу платьев мамы, зная, что их уже уберут в кладовку, когда вернусь. Потом хватаю книгу с пьесами Шекспира и, не раздумывая, запикиваю ее в рюкзак.

Отец довозит нас до станции в покрытом грязью «студебекере» – он и Майлз сидят спереди, а мы с Кэсс – сзади, мой тяжелый рюкзак с книгой лежит между нами.

– Думаешь, миссис Рейд справится со Склоном, пока нас не будет? – спрашивает отец. Он улыбается мне в зеркало и протягивает руку, чтобы взлохматить волосы Майлза, но Майлз просто уставился вперед. При выезде я не позволяю себе смотреть на засыхающие георгины в маминых горшках для цветов.

Когда мы приезжаем на вокзал, там все в движении, как будто сам воздух волнуется. Постеры трепещут на стенах, голуби хлопают крыльями и что-то клюют, а белые пряди волос Кэсс выбиваются из ее косы. Утром она помогла мне уложить волосы, потому что мне всегда нравилось, как здорово она это делает, но я уже чувствую, что прическа портится. Платье лип-

нет к ногам, а лодыжки потеют в коротеньких носках. Для позднего сентября не по сезону жарко. Мы с Кэсс заходим в тень карниза, в то время как Майлз и отец покупают билеты. Я прислоняюсь к военному плакату на стене, который предупреждает:

«Рассказывая другу, ты, возможно, рассказываешь врагу». Реклама над головой Кэсс обещает «ИСТИННО АМЕРИКАНСКИЙ сахар с энергией, кристаллизованной солнцем!».

Облака над нами завихряются как суп.

– Ты скоро вернешься, – говорит Кэсс.

– Ты напишешь, – отвечаю я.

– Я хотела бы, чтобы ты осталась со мной, – говорит она, и слезы блестят в ее глазах. Она моя самая давняя подруга, именно она забралась ко мне в кровать в день маминой смерти и заплетала мои волосы в косы, пока я не уснула. На следующее утро я поняла, что она вплела в них свою любимую небесно-голубую ленту с цветочками, ту, которую она всегда планировала надеть на наши первые школьные танцы.

– Я бы тоже хотела остаться, – говорю. Делить комнату с Кэсс и ее тремя старшими сестрами все равно лучше, чем неизвестность впереди, хотя я всегда немного побаивалась маму Кэсс.

Кэсс смотрит на чемодан у наших ног.

– Ты же не влюбишься в какого-нибудь красавчика и не останешься там?

Я сжимаю ее руку.

– Возможно, теперь Диксон Фейрвезер наконец-то поймет, что я за птица.

Она то ли смеется, то ли плачет, когда отец присоединяется к нам на платформе и смотрит на только что купленные билеты в одной руке, а в другой держит чемодан брата.

– Где Майлз? – спрашиваю, и отец поднимает воспаленный взгляд человека, который слишком долго смотрел на солнце.

– Он только что был здесь, – говорит он.

Наш поезд подъезжает, и его белый дым уплывает в небо. Медный звон колокола становится громче.

– Проверю вход, – говорю я, подхватывая сумку.

– Туалет, – говорит отец.

– Я посмотрю на лестнице, – предлагает Кэсс.

На вокзале повсюду люди, по большей части теперь, когда столько мужчин забрали сражаться, это женщины и дети. Я прохожу сквозь выющую змеей очередь и выглядываю на улицу. Жара и звон колокола поезда стоят в ушах, сердце бьется быстро и легко. Майлза нет.

Я высматриваю прокаленную медь его волос, но по пути обратно на платформу замечаю его твидовую кепку. Майлз сидит на вокзальном полу и ест растаявшее шоколадное печенье «пепперминт патти», которое он, наверное, прятал в кармане шорт.

Я хочу дернуть его за руку или, по крайней мере, вырвать сладость из его рук. Вместо этого стою и позволяю моей тени упасть на него.

– Вот это да, – говорит он невозмутимо, – ты нашла меня.

– Майлз, – шиплю, – мы тебя ищем. Почему ты убежал? – спрашиваю, хотя отчасти желаю, чтобы он ушел далеко и мы опоздали бы на поезд.

– Разуй глаза, – бормочет он, – я есть хотел.

– А ты мозги включи. Ты сеешь хаос, куда бы ни пошел.

«Ты та самая причина, по которой никто не хочет брать нас к себе», – так и хочется сказать ему, но вместо этого я помогаю брату встать. Он идет за мной, волоча ноги, обратно на платформу, к отцу и Кэсс.

– Нашла, – говорю очевидное.

Вижу, что отец не хочет кричать на Майлза в эти последние мгновения. Он смотрит на нас прищурясь и поднимает наши чемоданы. Его широкая и высокая фигура резко контрасти-

рует с их изношенной кожей. Он уедет только завтра, в другом направлении. Самолет в Сан-Франциско. А потом к бескрайнему Тихому океану.

– Пора, – говорит он.

Я сначала обнимаю Кэсс и пытаюсь придумать идеальные слова для прощания, но отец постукивает ногой, не сводя глаз с ближайшего проводника, и каким-то образом Майлз умудрился испортить даже это.

– Ну, – говорю, вдруг оробев, – пока. – Вынимаю одну из моих лент и вкладываю Кэсс в руку.

Потом поворачиваюсь к отцу. Он побрился впервые за последние недели, и сейчас его щека такая гладкая, что мне хочется продлить это прикосновение и вдохнуть запах бадьяна и пены для бритья. Я, бывало, лежала без сна по ночам, боясь, что его тоже заберут в армию. Теперь, когда умерла мама, знаю, что он не умрет – ее смерть послужит чем-то вроде защиты для него, как некий ореол. Для меня это совершенно ясно. Поэтому я в последний раз прижимаюсь щекой к его щеке и потом отпускаю его.

– Я скоро снова увижу вас, – говорит отец. Майлз поджимает губы, но потом бросает сумку и крепко обнимает отца. – Это только временно, – уверяет папа. Он сглатывает, его голос дрожит. Он отпускает Майлза и наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо: – Мой маленький эльфийка.

Мы с Майлзом садимся в поезд, а Кэсс стоит прямо под окном, и слезы текут по ее щекам. Она повязала мою ленту себе в волосы. Когда носильщик загружает мой чемодан, бирка на нем поворачивается как засохший лист, и я замечаю завитки маминого почерка.

Я машу отцу, но он уже отвернулся. Теперь не осталось сомнений в том, что я снова его увижу. Это не может быть моим последним воспоминанием о нем: с опущенными плечами, под небом графитового цвета. Мое отражение мерцает и тает, пока жду, когда он повернется в последний раз, чтобы посмотреть, как мы уезжаем.

До Стерлинга на поезде ехать четыре часа. Я не собираюсь засыпать, но на полпути именно это и делаю. Когда резко просыпаюсь, шея болит. Мне приснился все тот же сон: яркие букеты цветов вокруг кровати мамы, она неподвижна, ее руки словно из мрамора, когда я тянусь, чтобы дотронуться до них, а потом меня до костей пронзает холод, пока не проснусь со вскриком.

На мгновение мне кажется, что мы проехали остановку, но Майлз сидит напротив меня, делая зарисовки, а за окном только поля и небо.

Я тянусь к спрятанной мочке моего шишковатого правого уха: детская успокаивающая привычка, от которой я пыталась избавиться. Вижу, что Майлз замечает это, по тому, как он ухмыляется, уставившись в свой блокнот, лежащий на коленях. Его пальцы водят по бумаге разноцветными карандашами, пока не появляется знакомое очертание надгробного камня нашей мамы с венками из радуги цветов.

Только это он и рисует в последнее время, одну и ту же картину, как и мой повторяющийся сон. Я гадаю, кто из нас остановится первым.

– Есть хочешь? – спрашиваю, разворачивая сэндвичи с арахисовым маслом, упакованные миссис Рейд, и передавая Майлзу полураздавленный сэндвич. Вагон теперь почти опустел. Мы едим молча, и, когда мне надоедает смотреть в окно, я достаю Шекспира.

Обложка плотная, в переплете бордового цвета. Я листаю страницы, размышляя, с чего бы начать. Под некоторыми строчками есть пометки ручкой, и мама написала что-то бессмысленное на полях, обвела такие слова, как «трава для духов», и написала «похоже, что это Вара»...

В пьесе «Двенадцатая ночь» пометок больше всего. Некоторые страницы загнуты, а чернила размазаны. Я снова пролистываю пьесу до конца, но в этот раз оставляю без внимания конверт. Задняя сторона обложки отделана бархатом, и кончики моих пальцев оставляют на ней следы, как на замерзшем стекле.

А потом я замечаю, что угол слегка надорван.

Бросаю взгляд на Майлза. Он поглощен рисованием ярко-желтого подсолнуха. Тогда тяну за нить обложки. Она поддается, и я понимаю, что обложка пришита легкими стежками. Мое любопытство разгорается как пламя, и я ногтем распускаю стежки и смотрю за окно, чтобы не привлекать внимания Майлза. Когда обложка отходит достаточно, я прячу книгу в рюкзак, потом засовываю пальцы в отверстие.

Еще до того, как мои пальцы касаются стекла, я уже знаю: внутри что-то спрятано.

Глава 2

Я чуть расширяю отверстие, чтобы можно было двигать пальцами. Что бы ни было спрятано внутри, оно ощущается холодным и гладким.

Это бесцветный драгоценный камень, чистый, как вода, с капелькой слезы, подвешенной внутри, и оправленный в золото. Знакомый холодок из моего сна просачивается через кончики пальцев. Это кольцо мамы. Я никогда не видела, чтобы она снимала его с правой руки, и думала, что оно похоронено вместе с ней. Ее кольца были обычно испачканы грязью из сада, но это выглядит так, словно его тщательно почистили. Немного больно видеть его сейчас. Я хотела бы забрать его с собой, если бы мама предоставила мне выбор. Зачем бы она прятала его в книге и собиралась отправить какому-то незнакомцу по имени Стивен?

Надеваю кольцо с камнем на палец, но оно очень большое, поэтому держу его в ладони. Не прошло и полминуты, как Майлз заметил.

– Что это? – Он поднимает глаза от рисунка, хмурясь.

– Мамино кольцо. Она отдала его мне, – лгу и быстро расстегиваю цепочку, чтобы вместо маленькой подвески в виде сердечка повесить кольцо. Оно стучит о пуговицы платья.

– Следующая остановка ваша, – звучит резкий голос позади меня, так близко, что я подпрыгиваю. Дыхание проводника отдает запахом кофе, наполняя им воздух вокруг нас. Я не видела никаких признаков города с тех пор, как резко проснулась, а поля тянутся бесконечным полотном за окном, только иногда прерываясь фермой или сараем. Гарднер, где я выросла, – маленький городок, а здесь меня словно выкинули посреди океана. Океана выжженных солнцем золотых кукурузных стеблей.

– Финальное слово, – говорит Майлз, ставя ботинки на сиденье рядом со мной и закрывая блокнот, – давай.

Я играю застежкой пятнистой заколки. «Финальное слово» было маминой игрой, и я не уверена, что когда-либо захочу снова в нее играть. Каждый километр на этом поезде, каждая минута увозит меня все дальше от моей старой жизни. Жизни, которой я все еще хочу жить.

Незаметно ко мне приходит мысль, она звучит в голове маминым голосом: *«Этот корабль уплыл, милая. Теперь тебе остается либо утонуть, либо сесть на другой».*

Положит ли кто-нибудь цветы на ее могилу, пока нас не будет?

Хотя я не особо задумываюсь, ко мне внезапно приходит гениальная мысль.

– Мое финальное слово «палимпсест»¹, – говорю и с триумфом защелкиваю заколку.

Майлз откидывается назад на сиденье.

– Никогда не слышал такое слово. Ты его, скорее всего, придумала.

– Нет, не придумала. Ты знаешь выражение *tabula rasa*?

Он смотрит на меня непонимающе.

– Мы начинаем с чистого листа, но не оставили полностью наше прошлое.

Он жует щеку, словно пытается понять, верить ли мне.

– А твое какое? – спрашиваю сквозь шум тормозов поезда. Стеганое одеяло полей превращается в мощные улицы центра маленького городка.

– Мое финальное слово – «покинутый», – говорит Майлз.

– Как драматично.

– Хорошо. Тогда пусть будет «авантюра». Красивый синоним для приключения.

– Хорошее слово, – признаю я. – Ты выиграл. – Это сильное финальное слово, особенно для восьмилетки – даже если бы я изначально не собиралась позволить ему выиграть. – Хватай сумку.

¹ Палимпсест – что-то написанное или нарисованное на месте прежнего текста или картины.

Брови Майлза изгибаются дугой, а потом его зеленые глаза прищуриваются.

– А что будешь делать, если я не сойду? – спрашивает он.

– Сойдешь, – говорю, поднимая его сумку вместе со своей, и притворяюсь, что они не такие тяжелые, как на самом деле.

– Никто бы не винил меня, знаешь ли, – говорит он, но двигается по проходу к дверям. – Моя мама только что умерла.

– Правильно, ведь я вообще не представляю, что это такое, – говорю и, когда Майлз останавливается на ступеньке поезда, подталкиваю его. Потом сама делаю глубокий вдох и ступаю на платформу.

Только два человека ждут в тени под навесом станции: женщина средних лет и, как мне кажется, ее сын. Помню миссис Клиффтон с похорон мамы. Она была единственным человеком не из Гарднера, поэтому выделялась среди расплывчатой вереницы скорбящих, которые приходили в тот день. Она держалась официально, когда взяла меня за руку.

– Матильда Клиффтон. Я была лучшей подругой твоей мамы с детства, – объяснила она, и я узнала ее имя.

– Мама всегда любила получать от вас письма, – сказала я ей и уже собиралась поздороваться с другим человеком, как неожиданно она меня обняла, словно не могла уйти, пока не сделает этого.

Я слышала, как она предлагала отцу помочь чем сможет. Думаю, она, вероятно, не предвидела, что я и Майлз сойдем здесь с поезда три недели спустя.

– Привет! – зовет миссис Клиффтон, делая к нам шаг. Она сменила траурное платье из черного крепа на костюм цвета сливы и шляпку в тон. Ее рыжие волосы собраны в аккуратный пучок. И она красивее, чем я помнила. Но, может, это просто из-за того, что сейчас она улыбается.

– Добро пожаловать! – говорит она. – Айла, видеть тебя здесь – все равно что вернуться назад во времени. Ты так похожа на Джульет во времена нашей юности.

– Спасибо, – говорю. Я благодарна ей за то, что она может произносить имя мамы и мы все еще способны говорить о ней. – Вы, должно быть, помните моего брата Майлза.

Майлз протягивает руку:

– Майлз Куинн, – повторяет он официально, когда миссис Клиффтон берет ее. Гель отца испарился, и чуб Майлза торчит как позабытый пучок травы.

– Добро пожаловать, Майлз. А это мой сын Уильям. Он возьмет ваши сумки, – говорит миссис Клиффтон.

– Уилл, – говорит парень, протягивая руку. На вид он примерно моего возраста. Темные волосы немножко длинноваты, и я не могу не заметить, что они прикрывают кончики его ушей. Его зубам немного тесновато во рту, а таких голубых глаз я не видела раньше ни у кого.

Он в своем роде красив, что-то среднее между неряшливым и эффектным.

– Итак, это Стерлинг? – быстро говорю, осматриваясь.

– Вообще-то, нет, – отвечает миссис Клиффтон. – До Стерлинга еще достаточно долго ехать, но это самая близкая к нам станция. – Она бросает взгляд на темнеющее небо. – Нам бы постараться обогнать дождь.

Уилл берет наши сумки у носильщика, а миссис Клиффтон ведет к «форду» с кузовом и деревянными бортами, такими гладкими, что они кажутся глазированными.

Майлз толкает меня.

– Просто чтобы ты знала, – шепчет он, – видно твое ухо.

Моя рука подлетает к кончику правого уха, но оно все еще спрятано под аккуратно уложенными волосами. По лицу Майлза расплзается такая широкая улыбка, что видна маленькая щербинка между его двумя передними зубами.

– Финальное слово сейчас будет «невыносимый», – шиплю. Я игнорирую его движения бровями и забираюсь в машину.

Миссис Клиффтон открывает дверь водителя и садится за руль. Она заводит двигатель и выезжает на дорогу, склонившись вперед, ее пальцы в перчатках лежат на руле. Она особо не разговаривает, и, когда машина качается и дергается, ее губы сжимаются плотнее. Ей требуется лишь мгновение, чтобы включить дворники ветрового стекла, так как дождь начинает заливать его словно краска.

– Спасибо, что терпите меня, – говорит миссис Клиффтон, ее нога то нажимает на педаль, то отпускает ее. – Мы недавно лишились водителя и, кажется, изо всех сил пытаемся адаптироваться. – Она краснеет, будто понимает, как это должно звучать для нас. Вместо ответа я киваю.

– Мы все так надеемся, что война скоро кончится, – добавляет она.

«*Это временно*», – эхом звучит голос отца в моей голове.

Вес маминого кольца чувствуется на моей шее.

Машина Клиффтонов поднимает густые столбы пыли на дороге позади нас, и многие мили нам не попадают ни водители, ни дома.

– По большей части у нас тут фермерский край, – объясняет миссис Клиффтон.

– Чем занимается мистер Клиффтон? – спрашиваю вежливо.

Мой вопрос вызывает мгновение колебания.

– Он ученый, – отвечает миссис Клиффтон. – Болел полиомиелитом в детстве, поэтому от него мало проку на ферме или на войне. – Она бросает взгляд на Уильяма. – Теперь он... ищет способы улучшить качество жизни. Посмотри вперед, дорогая, – это Стерлинг.

Я выглядываю из окна, когда мы заезжаем в город. Главная улица украшена американскими флагами. Здесь есть несколько магазинов, над всеми ними – навесы, на стекле окна маленького кафе что-то написано.

– Это магазин Фитца, – говорит Уилл, кивая на ржаво-красные кирпичи универмага.

Мы проезжаем мимо банка, магазина техники, шляпной, пекарни, пустой заправочной станции «Тексако», побитой и серой сквозь дождь. Городок похож на любой другой сонный фермерский поселок, но именно здесь выросла моя мама. Может, я все еще смогу найти здесь часть ее, как солнечный свет находит отпечаток руки на стекле.

– Наш дом чуть дальше, – говорит миссис Клиффтон, напевая себе под нос, и сворачивает на дорогу поуже. Дома и фермы разбросаны вдоль нее, как шарики, между полями и плотной стеной леса. Раскинувшееся над нами небо затянуто тяжелыми тучами. Миссис Клиффтон сворачивает с дороги, и Уилл выпрыгивает, чтобы открыть большие железные ворота. Когда он возвращается, его белая рубашка покрыта серыми пятнами дождя. Машина забирается по извилистой подъездной дорожке, и открывается вид на дом Клиффтонов.

Дом – нечто среднее между тесными и уютными уголками Склона и обширными особняками, посмотреть на которые отец однажды отвез нас на Род-Айленд. Сквозь пелену дождя в окнах первого этажа виден свет. Четыре трубы поднимаются из черепичной крыши, а комнаты находятся в отходящих от центральной части дома застекленных крыльях. Красные кирпичи светятся так, словно они теплые на ощупь. Внезапно я замечаю блеклое пятнышко на подоле своего платья и прикрываю его рукой.

– Простите, кажется, мы забыли зонтики, – говорит миссис Клиффтон, направляясь по круговой подъездной дороге к дому. – Придется пробежаться. Сначала идите вы втроем, а я – прямо за вами.

Уилл открывает дверь под раскат грома, и, хотя мы с Майлзом взбегаем по каменным ступенькам вслед за ним, платье промокает под дождем и прилипает к телу. Волосы, аккуратно уложенные Кэсс сегодня утром, теперь прилипли к щеке.

Уилл открывает тяжелую входную дверь в ярко-желтую прихожую, и я спешу внутрь. Дождевая вода стекает по моим ногам и разливается лужей по клетчатому мраморному полу. Люстра висит в двух этажах над нами, сияя словно солнце.

– Вау, – говорит Майлз, уставившись на высокий потолок.

Его ботинки скрипят по отполированному полу. По крайней мере, дождь скрыл пятно на платье.

Капельки дождя бисером покрывают лоб Уилла и стекают с его ресниц. Он протягивает руку, чтобы смахнуть их.

– Принесу полотенца, – говорит он, и к тому времени, как он возвращается с ними, миссис Клиффтон входит через парадную дверь.

Она вздрагивает, когда видит, что мы все еще стоим там, и тяжело опускает на пол наш багаж.

Я снова смотрю на лужу у своих ног и щурюсь.

Вой ветра стал пронзительнее. Дождь продолжает стучать в окна. Однако миссис Клиффтон и наши кожаные чемоданы идеально сухие.

Мы вытираемся и встречаемся с единственной оставшейся служанкой Клиффтонов, поваром и управляющей домом, живущей в нем, Женеьевой. Она высокая и худая как щепка, а ее волосы цвета дыма. Она предлагает крепкий, но неароматный чай. Он как угли опускается по горлу, согревая меня изнутри, когда мы идем за миссис Клиффтон осматривать дом. Я пытаюсь не сравнивать его со Склоном, но не могу не заметить, что все дверные ручки фигурные медные, в отличие от наших: круглых стеклянных. Здесь нет красивых часов дедушки, которые тикают и звенят всю ночь, не имеется и коллекции фигурок-лягушек с маленькими кусочками бумаги, засунутыми под них, чтобы они не съезжали с наклонных полок. Вместо них декоративные книги, узорчатые шторы и крошечные раскрашенные фарфоровые шкатулки, расставленные в идеально ровных витринах. В коридорах картины с изображением ваз и чаш, переполненных фруктами, а не морские карты отца или распечатанные наброски архипелагов. «По крайней мере, он увидит еще океан, когда уедет,» – думаю я. Некоторые предметы мебели выглядят так, словно ими никогда не пользовались. Но, когда мы заворачиваем за угол, миссис Клиффтон с воодушевлением показывает на деревянный стул.

– Уилл сделал его для меня, когда ему было тринадцать, – произносит она с гордостью.

– Он скорее функциональный, чем красивый, – говорит Уилл.

– Я обожаю его, – возражает миссис Клиффтон.

– Ты – моя мама, – отвечает Уилл, улыбаясь мне немного смущенно, и проводит рукой по коротким волосам на затылке. Он идет за нами, пока мы осматриваем застекленную террасу и парадный обеденный зал, а также библиотеку миссис Клиффтон, где книги покрывают все стены, их корешки ровные, как клавиши. Я изучаю старый патефон и аккуратный ряд деревянных тростей, когда Майлз протягивает руку, чтобы крутануть полуночный глобус небесного свода. Я хватаю его за запястье. На его руке все еще остатки арахисового масла.

Я бросаю на него предупреждающий взгляд, а потом поворачиваюсь к миссис Клиффтон:

– У вас красивый дом, – говорю я.

– Да, – эхом повторяет Майлз и вытирает руки о край рубашки. – Спасибо, что приютили нас.

Миссис Клиффтон машет рукой.

– Ваша мама была мне как сестра, – говорит она, быстро моргает, и на секунду я боюсь, что она заплачет. Майлз напрягается рядом со мной.

– Так что ты и Майлз – члены нашей семьи, – заканчивает она и улыбается. Плечи Майлза снова расслабляются.

– Пойдем наверх? Можете уже расположиться. – Миссис Клифтон ведет нас обратно в прихожую, где я хватаю с пола свой рюкзак, а Уилл забирает наши чемоданы.

– Айла, – весело говорит миссис Клифтон, сопровождая нас наверх, – помнишь, как я приезжала в Гарднер? Не на похороны, а много лет назад? Ты тогда была еще очень маленькой. Вообще-то, Уильям тоже был со мной. Вы не помните, как встречались детьми?

– Нет, – отвечаю я через мгновение. Шпильки начинают тянуть волосы, и я хочу найти свою комнату и вытащить их.

– Мы с Джульет отвернулись на минутку, – говорит миссис Клифтон, когда мы поднимаемся на второй этаж, – и в мгновение ока вы уже оба в поле, с ног до головы покрытые грязью. – Она останавливается перед первой дверью после балкона. – Мы сразу же запихнули вас в ванную.

Когда я понимаю, что это значит: мы с Уиллом видели друг друга в нижнем белье, а может, даже и без него, – стараюсь не смотреть на него. Майлз, сдавленно хихикая, делает все только хуже.

– Это правда, – говорит Уилл быстро, пытаясь взяться за наши чемоданы поудобнее. – Мы закапывали что-то, найденное в поле, какое-то сокровище. Не могу вспомнить, что это было. Может, если бы у нас был Внутренний взор, мы могли бы...

То, как он замолкает на полуслове, заставляет меня взглянуть на него и заметить странное выражение, мелькнувшее на его лице. Его мама отдернула руку от ручки двери, и в воздухе ощущается и искрится резкое напряжение, словно они ожидают от нас какой-нибудь реакции.

– Что такое Внутренний взор? – спрашивает Майлз, и миссис Клифтон едва заметно качает головой Уиллу.

– О, что-то, о чем мы можем поговорить позже, – говорит миссис Клифтон, толкая дверь в первую гостевую комнату. – Айла, у тебя красивое ожерелье, – продолжает она, меняя тему и приглашая нас войти. – Я помню это кольцо. Оно твоей мамы?

– Да, – отвечаю я.

– Она правда отдала его тебе? – тихо спрашивает Майлз, пока Уилл ставит мой чемодан на пол. Я киваю, и мне неловко от того, как он и миссис Клифтон смотрят на мою шею.

– Мне она ничего не дала, – говорит Майлз, и я жду, чтобы они отвернулись, а потом прячу кольцо под ворот платья.

Моя комната простая и яркая, с желтыми стенами, уютная, несмотря на грозу, бьющую в окно. Здесь белая кровать с четырьмя столбиками и расшитым стеганым одеялом и сиденье у окна с видом на ветви огромного дуба. Миссис Клифтон поставила на комод тугие бутончики столистой розы и фотографию в серебряной рамке. Юные Джульет и Матильда одеты в одинаковую школьную форму, обнимаются и смеются.

Я никогда не видела фотографии мамы в моем возрасте. Ее волосы были светлее, чем мои, каштановые, но у нее, как и у меня, серые глаза, немного широко посаженные, маленький нос и острый подбородок. Поразительно, как сильно я похожа на нее.

Я распаковываю платья и выкладываю туалетные принадлежности на молочно-белой раковине, а потом расставляю на полках томики со стихами, которые выбирала из кучи ненужных книг в углу библиотеки Гарднера на протяжении многих лет. Стивенсон, Фрост, Дикинсон, Йетс и Уайльд, все без обложек или покрытые пятнами цвета светлого чая. Пока не могу заставить себя распаковать зимнюю одежду. Может, к тому времени мы уже вернемся домой. Вместо этого раскладываю на ночном столике тупой дротик отца, мамин томик Шекспира и

ленту Кэсс. Потом моюсь в фарфоровой ванне с коготками на ножках и одеваюсь к ужину. В ванной нет зеркал – странно для дома, в котором есть практически все. Интересно: не покажется ли наглостью попросить у миссис Клиффтон зеркало?

Я, как могу, укладываю волосы лишь на ощупь и направляюсь вниз на ужин.

Когда вхожу в обеденный зал, доктор Клиффтон встает со своего места у стола из красного дерева. Он – более взрослая и мягкая версия Уилла, с голубыми глазами, но не такими яркими и обрамленными проволокой очков. Я завожу вежливый, натянутый разговор: «я никогда не была так далеко на севере», «точно пойдет дождь» – за ужином, состоящим из кресс-салата, жареных персиков, жареного цыпленка и чего-то вроде тыквенного торта, поданных Женеьевой. В нашей семье мы так не ели даже до войны и начала раздачи пайков.

– Один из плюсов жизни на ферме, – говорит доктор Клиффтон, замечая, что я смотрю на маленький кусочек свежесбитого масла. Мне хочется размазать его, такое соленое, гладкое и густое, по куску хлеба, но я притворяюсь, что не хочу масла, и передаю тарелку дальше. Майлз повторяет за мной и тоже отказывается. Мы и так слишком вторглись в жизнь Клиффтонов, чтобы есть их драгоценное масло.

Доктор Клиффтон прочищает горло.

– Ваша мама часто рассказывала о Стерлинге? – спрашивает он меня, перестав резать торт. Его нож и вилка зависли над тарелкой.

– Совсем немного, – отвечаю я. По правде говоря, она вообще едва о нем говорила. Следует долгая пауза, как будто я ответила неправильно. Какое-то время я слышу только звон столовых приборов и то, как жую.

– Однажды она мне сказала, что он ей не очень нравился, – добавляет Майлз и вскрикивает, когда я заезжаю ему пяткой по лодыжке.

Доктор Клиффтон вежливо смеется, но в этом есть что-то еще. Он отодвигает стул одновременно с оглушающим раскатом грома и говорит:

– Знаете, думаю, у меня есть как раз кое-что подходящее. – Он немного подволакивает ногу, когда выходит из комнаты, и я вспоминаю коллекцию тростей, которую заметила во время экскурсии по дому.

Доктор Клиффтон снова появляется секунду спустя, а за ним из коридора прилетают яркие ноты Гленна Миллера. Они помогают заглушить равномерный шум дождя.

– Перейдем в библиотеку? – предлагает миссис Клиффтон. – Женеьева могла бы принести нам кофе, а может, даже и мороженое.

Майлз подпрыгивает и кивает.

Я понимаю, что они все так стараются. Но у меня нет сил вести себя так же.

– Вообще-то, думаю, что пойду к себе, – говорю я.

– Долгий день, – соглашается миссис Клиффтон, кивая. Свет мигает.

Вчетвером они переходят в библиотеку доктора Клиффтона, а я поднимаюсь по лестнице в свою комнату.

– Спокойной ночи, Майлз, – кричу я с балкона, а он коротко машет, даже не взглянув на меня.

Я передеваюсь в ночную рубашку и чищу зубы, уставившись на голую стену перед собой. Завтра попрошу зеркало.

Забираюсь в кровать, вертя в руках дротик отца. Слышу, как Уилл вызывает Майлза на партию в шашки, а потом, всего пять минут спустя, – радостное восклицание «Ура!». Майлз редко терпит поражение в играх и никогда не проигрывает в шашки.

Теперь кто-то включил Билли Холидей, ее голос усыпляющий и теплый. Мама любила ее. Я кладу дротик на ночной столик и подушкой заглушаю звуки музыки и дождя.

Впервые за три недели мне не снится мама.

Глава 3

Тем летом, когда мне было тринадцать, однажды ночью разразилась буря. Раскаты грома звучали настолько мощно, что разбудили нас всех, и Майлз кричал, пока мама не пришла к нему. Не знаю, вернулась ли она в постель после этого, но на рассвете она разбудила меня, стоя на коленях у моей кровати.

– Пойдем со мной, – сказала она, вытягивая меня из теплоты моей постели. Я ворчала, пока она не дала мне чашку горячего шоколада.

– Рассвет красивее всего после большой грозы, – сказала она. Мы натянули пальто поверх ночных рубашек, обулись в резиновые сапожки, и она вывела меня в сад.

Мама насухо вытерла полотенцем одну из скамеек из кованого железа, чтобы я могла сесть и оставаться с ней, пока она вычищала мусор, оставленный бурей. Она не солгала насчет рассвета. Он начался с нежно-розового цвета, а потом разгорелся до обжигающе-оранжевого.

– Я однажды читала про то, что дождь шел с лягушками и рыбой, – сказала она. На ней были перчатки, когда она перебирала сломанные ветви и заталкивала грязь обратно в дерн. – Это было задокументировано как настоящее происшествие. Можешь представить, каково это: идти, думая о чем-то своем, и вдруг тебе на голову падает рыба?

Она смеялась над этим, а потом внезапно замолкла и нагнулась, чтобы пододвинуть разрушенное гнездо. Я увидела белые осколки яиц у ее ног.

– Бедные птички, – сказала она, и ее настроение вмиг испортилось.

Иногда она бывала такой: бумажным журавликом, складывающимся без предупреждения. Я больше ничего не сказала, как и она. Я ненавидела изменение ее настроений и не могла определить, когда оно начнется или как долго продлится. Я просто смотрела, как она обходила лужи, и потягивала свой горячий шоколад, пока он не остыл.

– Мне жаль птичек, – сказала я, когда мы снимали обувь в прихожей, – и что ты расстроилась.

– Дело не в птичках, милая, – сказала она и заправила мои волосы за ухо: не хотела, чтобы я его прятала. – Просто это напомнило мне о ком-то, кого я знала.

– Тогда расскажи мне больше о дожде из лягушек, – попросила я, и мамино плохое настроение так же быстро ушло, как и пришло. После этого утра мы больше никогда не говорили «льет как из ведра». У нас была своя версия.

«Лягушки и рыба», – думаю, просыпаясь, и не сразу понимаю, где нахожусь. Я не в своей кровати. Стеганое одеяло поверх меня более жесткое, чем то, к которому я привыкла, и оно не упало на пол, а простыни не запутались в ногах. Должно быть, я спала спокойно.

Потому что мне не снился тот сон.

Сердце не бьется учащенно, только что снова разорванное на части, и из-за этого я чувствую себя легче, чем за все последние недели. Убираю покрывала, надеваю белое хлопковое платье и провожу пальцами по завиткам волос. Но мысль остается и зудит: «Разве я не должна хотеть, чтобы мне снился тот сон, пусть даже он и мучает меня, если это единственный способ снова увидеть маму?»

Когда прихожу на кухню, Женевьева передает мне чашку кофе, от которой идет пар. Я ее беру, хотя обычно не пью кофе.

– Доброе утро, – бросает она и показывает на сад: – Он там.

Майлз сидит один за столом, окруженный воздушной сдобой, джемом, кремом и ягодами. Столько еды мы оба никогда не съели бы, и я невольно думаю о рационе в нашем доме. Майлз с трудом делает паузу, запихивая еду в рот, чтобы кивнуть мне.

– Тебе тоже доброе утро, – говорю я. Воздух кажется чистым и свежим после бури. Бьюсь об заклад: сегодняшний рассвет стоил того, чтобы на него посмотреть.

Я ставлю кофе на стол, набираю еду на тарелку и показываю на кувшин с апельсиновым соком.

– Там есть перья?

Майлз закатывает глаза.

– Я не называл мякоть «перьями» с пяти лет.

Я вызывающе улыбаюсь ему и наливаю себе стакан сока. Он терпкий и густой, самый свежий из тех, что я пробовала.

– Где все? – спрашиваю.

Майлз пожимает плечами.

– Уилл в школе. Доктор Клиффтон работает. У миссис Клиффтон дела, но она сказала, что скоро вернется. Посмотри, – он кивает на что-то позади меня, – у них есть куры.

Пока я поворачиваюсь, он украдкой кладет две печеньки в салфетку и засовывает в карман.

– Не делай этого, Майлз, – говорю я. – Это неприлично.

– Не делать чего? – спрашивает он. Теперь его очередь улыбаться своей самой широкой улыбкой, в которой не хватает зубов. Иногда такая улыбка хуже, чем удар прямо по голове.

Я вздыхаю:

– Неважно.

– Миссис Клиффтон дала мне несколько новых карандашей. Собираюсь порисовать, – говорит он, машет блокнотом и бежит по садовой дорожке, обрамленной аконитом цветов драгоценных камней и пучками иссопа. Я делаю маленький глоток кофе и удивляюсь, насколько мне нравится его горечь. И как сон, немного солнца и настоящий завтрак могут сделать так, что все кажется бесконечно лучше, чем было вчера.

Когда я добираюсь до булочки с пеканом, голова Майлза появляется между оранжевыми восточными лилиями и кустом белоснежных гортензий, а потом снова исчезает. Он так близко к цветам, что они должны быть прямо у него в носу.

Ради всего святого, почему он не может вести себя просто как нормальный человек?

– Айла, – зовет он, – это странно. Здесь ничто не пахнет.

– Ладно, – говорю я и не двигаюсь с места. Это еще один из его трюков, просто чтобы заставить меня встать, когда я наслаждаюсь хорошим завтраком.

– Я не разыгрываю тебя! – зовет он. – Ни у одного цветка в саду я не почувствовал запаха. Сама понюхай.

– Ладно, – повторяю я и снова начинаю улыбаться, когда ко мне приходит мысль: – Значит ли это, что твое финальное слово – «беззапаховые»?

– Ха-ха, – говорит он, подбочениваясь, – поздравляю: помнишь, как шутить.

Я кидаюсь к нему и наклоняюсь туда, куда он показывает, ожидая вдохнуть сладкий аромат увядающего лета. Но на этот раз в любом случае он не преувеличивает. Нет даже намека на запах. Лепестки лилий словно вырезаны из кусков цветной бумаги. Я касаюсь их пальцами. На ощупь они бархатистые и кажутся живыми.

– Хм. – Я думаю снова о том, как миссис Клиффтон вошла в дом после бури, о словах, которые Уилл начал произносить. Каждая странная мелочь выглядит кусочком пазла или загадкой, которые мама всегда любила. Загадки: сводящие с ума подсказки, незаметная игра слов и еле уловимые намеки, указывающие на ответ, о котором не подумал бы ни один здравомыслящий человек.

Ненавижу загадки.

Майлз оставляет свой блокнот и карандаши на столе, а потом отправляется на задание: лично понюхать каждый цветок в саду. Я слежу за ним, накладывая на тарелку голубику и вторую липкую булочку.

– Возьму бумагу, – говорю Майлзу, – чтобы написать Кэсс. – Я пролистываю блокнот с его бесконечными цветными рисунками и вырываю чистый листок ближе к концу блокнота.

Но вместо письма начинаю список.

«Цветы без запаха – пишу я очень маленькими буквами.

Что-то, называемое Внутренним взором.

Сухие чемоданы...»

Я бросаю взгляд на голову Майлза, отливающую медью на солнце, не без беспокойства складываю секретный список и убираю его в карман.

– Я подумала, что мы могли бы поехать в город завтра, – миссис Клиффтон говорит мне и Майлзу за ужином тем вечером. – Купить все необходимое вам для школы.

Я принимаю корзиночку с роллами от доктора Клиффтона и прочищаю горло.

– Школа, конечно, – говорю я. – Когда мы начинаем?

– Я договорилась, что вы пойдете послезавтра.

М-м-м, быстрее, чем я ожидала.

– Я достал список книг, которые тебе понадобятся, Айла, – сказал Уилл. Он протыкает вареную морковку вилкой. – Большинство из них те же, что и в прошлом году, так что можешь взять мои.

– Спасибо, – говорю я. Его темные волосы не уложены, и их кончики начинают завиваться. Он резким движением убирает их со лба и улыбается мне. Я замечаю его кривой верхний клык и улыбаюсь в ответ.

После ужина остаюсь помочь убрать со стола.

– Как дела, Айла? – спрашивает миссис Клиффтон, когда Женевьева забирает поднос с грязными тарелками на кухню и мы остаемся одни. – Тебе что-нибудь нужно?

Я колеблюсь, теребя кольцо, спрятанное под платьем, желая попросить ее объяснить то, что я видела. Но что именно я могу сказать?

– Я не заметила зеркала наверху, – начинаю я аккуратно, – может, я смогу купить его, когда будем в городе завтра?

Она моргает несколько раз.

– Конечно. И, дорогая, я хотела с тобой кое о чем поговорить...

– Сегодня вечером играем в кункен, – объявляет Майлз, вальсируя в комнату, не обращая внимания на то, что прерывает нас. – Мы проголосовали: доктор Клиффтон, Уилл и я. Айла, в этот раз будешь играть?

– Не сегодня, – резко отвечаю. – Что вы хотели сказать, миссис Клиффтон?

Я поворачиваюсь к ней, но Майлз все еще стоит тут, и очевидно, что момент упущен.

– Давай поговорим завтра, – отвечает она. – Мы рано выедем. Хороших снов, Айла.

Я забираюсь по лестнице наверх, и раздражение на Майлза возрастает с каждой ступенькой. Закрываю дверь комнаты, падаю на пуховые подушки на кровати и разворачиваю список, начатый ранее.

«Нет зеркал», – добавляю я, беру старый дротик отца и верчу между пальцами.

Острый конец дротика погнут и затуплен. Годами я использовала его для вырезания линий на полу спальни, которые потом прятала под краем коврика. Полосы обозначали разные памятные события: например, девичьи ссоры в школе – многие из них с Кэсс и теперь уже позабыты, и одна длинная неровная черта из-за Диксона Фейервезера, парня, который мне нравился с четвертого класса. Но большинство линий появились там из-за Майлза: когда он раздражал, вел себя ужасно и все равно оставался любимцем мамы. Майлз крал и ломал вещи и скорее вызывал в нас замешательство, чем сочувствие, когда мама впервые заболела.

Когда слышу, как он громко и победно радуется кункену внизу, я напрягаюсь.

«Поздравляю, – с ожесточением вторю ему. – Вспомнил, как быть частью семьи, даже если она не твоя».

Все здесь противоположно тому, чего я ожидала: почему-то я отдалилась и дуюсь, а он отлично приспосабливается. Прижимаю палец к затупленному концу дротика и хочу оказаться в своей комнате, ощутить под пальцами вырезанные линии, словно годовые кольца деревьев, отмечающие времена жизни.

К счастью, Клиффтаны решили послушать сегодня вечером радио, а не Билли Холидей. Я открываю книгу мамы на новой пьесе и просматриваю «Бесплодные усилия любви». Изучаю обведенную ею часть.

Бирон:

Под дождь не выйдут ваши дамы из опаски,
Что смоет он с их лиц все краски.

Услышав внезапный взрыв смеха Уилла, за которым следует добродушное оханье миссис Клиффтон, отрываю взгляд от книги. Потом слышу хихиканье Майлза, высокое и легко узнаваемое, и невольно улыбаюсь. «Ему позволено смеяться, – думаю я. – И сейчас он – единственная твоя семья».

Закрываю книгу и верчу дротик в руках, гадая, не слишком ли поздно к ним присоединиться. Проглотить ли гордость и попросить принять меня в игру, вместо того чтобы слушать здесь все просачивающиеся звуки через щели чистых, без особых отметок досок пола Клиффтонов.

К тому времени, как спускаюсь по лестнице, они выходят из библиотеки. Притворяюсь, что шла по другой причине, коротко машу рукой и продолжаю идти.

– Надеюсь, мы не слишком шумели, – говорит миссис Клиффтон.

– Я почти ничего не слышала, – лгу. – Спокойной ночи.

Жду, пока их шаги не затихнут на лестнице, потом приоткрываю боковую дверь в сад. Воздух прохладнее, чем я думала. Смотрю вверх, ожидая увидеть над головой звезды, разбросанные как капли росы на паутине, но небо черное и бесконечное, отмеченное только яркой белой луной.

Иду по кругу садовой дорожки и ложусь на одну из скамеек, наблюдая за луной, пока железные планки не начинают врезаться в спину. Встаю, оглядываюсь, чтобы убедиться, что никто не смотрит, и склоняюсь понюхать цветы. Ни малейшего запаха, как днем.

Распрямясь, слышу тихие голоса со второго этажа.

– Я пыталась поговорить с Айлой ранее сегодня, но недалеко продвинулась, – говорит миссис Клиффтон. Напрягаю слух.

Окно спальни доктора и миссис Клиффтон открыто достаточно широко, чтобы доносился их разговор. Ухожу из-под окна, чтобы меня не было видно, и усаживаюсь в ожидании на выступе фонтана. Притворяюсь, что рассматриваю фонтанную скульптуру. Это каменная девушка, застывшая в беге по поверхности воды.

– У нас уже осталось мало времени, – говорит доктор Клиффтон. – Не могу поверить, что они еще ничего не заметили.

– Вижу, Айла что-то подозревает, – признается миссис Клиффтон. – Может, мне надо было сразу же им сказать. Я просто не хотела пугать их после всего того, через что они прошли. Я думала, они сначала могли бы освоиться немного. Но ты прав: дольше ждать нельзя.

– Ты правда думаешь, что они ничего об этом не знают? Если Джульет скрывала все это от них, тогда дело обстоит еще сложнее, – доктор Клиффтон вздыхает. – Возможно, мы совершили ошибку...

– Малкольм, – говорит миссис Клиффтон резким голосом, – это дети Джульет. Я никогда не смогла бы простить себе, если бы не приняла их, когда им некуда было идти. Мы сказали, что попробуем, и, если не получится, то, по крайней мере, дали Гарольду время подобрать другой вариант.

Она замолкает. Я скольжу по стене и сажусь на корточки под окном, задерживая дыхание, пока снова не раздастся низкий голос доктора Клиффтона.

– Хорошо, Матильда. Я согласился попробовать, мы так и сделаем. Но их пребывание здесь все снова взбаламутит в самое неподходящее время. Не хочу, чтобы они разворошили осиное гнездо.

Повисает долгая пауза, и я гадаю, закончился ли разговор. Но потом миссис Клиффтон тихо спрашивает:

– Ты действительно думаешь, что мы совершили ошибку?

– Нет, – отвечает доктор Клиффтон. – Ну, не знаю, – уточняет он. – Давай будем надеяться, что Стерлинг обойдется с ними лучше, чем с Джульет под конец.

Волосы на затылке встают дыбом. Я наклоняюсь вперед, словно хочу посмотреть на свое отражение в фонтане, и жду, когда он разъяснит сказанное.

Но ничего не вижу. Вода холодная, чистая и темная. Ни звезды, ни луна не отражаются в ней. Машу рукой над водой, но она не прозрачная, пустая, словно я исчезла.

Отшатываюсь назад и натываюсь на стену дома.

Что это за место?

– Джульет, должно быть, не хотела, чтобы они знали, если никогда им не рассказывала, – говорит доктор Клиффтон. Я глотаю ночной воздух и едва слышу его голос из-за громкого биения сердца. – Но теперь, когда они здесь, Стерлинг не будет долго скрывать свои секреты, прежде чем выдать их.

Глава 4

29 августа 1940 года

Набросок каштанового лесного певуна.

Птица: певун, вид певчей птицы (oscine).

Певчие птицы не рождаются с умением петь.

Они учатся, слушая родителей.

Ночью, когда я встретил Финеаса, я планировал броситься под поезд.

Но мне было тридцать три, и почему-то я сначала захотел увидеть его. Поэтому я сел на поезд и час ехал до его дома.

В действительности я отследил его адрес месяцем ранее. Даже зашел так далеко, что побывал на его улице. Но в тот раз я остался сидеть на скамейке, рисуя певчих воробьев. Наблюдал, как они взлетают, словно брызги, с земли, чтобы усесться на ветки. Как опадающие листья, только наоборот.

Возможно, что именно тогда зародились первые семена моей идеи, в те моменты, когда я сидел, наблюдая за птицами, желая иметь немного храбрости, вколоть ее себе в вены как прививку.

Но в ночь, когда Финеас и я наконец встретились, храбрость мне нужна была не настолько сильно. Я уже решил прыгнуть. И действительно мало что оставалось терять.

Поэтому я подошел к двери и постучал.

Помню эти бесконечные минуты в ожидании его ответа. Его дом приютился на остром краю скалы, и я смотрел, как океан бросается на камни внизу. Какие-то отвратительные чайки клевали, хлопали крыльями и кричали надо мной. «Чайки», – подумал я, вспоминая свою энциклопедию. Их стиль полета иногда называется «страхом».

Мои нервы напряглись, как только я услышал его скрипучие шаги. Я знал, что его реакция для меня важнее, чем я готов был признать.

И, конечно, за миг до того, как дверь открылась, я подумал о Джульете.

Он открыл дверь и покосился на меня. Выглядел он старше, чем я его себе всегда представлял. Его волосы были седые, глаза глубоко посажены и полны подозрения. Сейчас я понимаю: той ночью он, скорее всего, думал, что я полицейский или вышибала из подпольной организации, пришедший за долгом. Ведь кто еще мог бы стучать в его дверь? Неожиданный ночной визит в дом осужденного, бывшего грабителя могил?

– Здравствуйте. – Я откашлялся, чтобы голос звучал ровнее. – Вы Финеас Шоу?

Его рука крепче сжала край двери, готовая захлопнуть ее перед моим носом в любую секунду. Его кожа была задубевшей, а на суставах пальцев виднелись татуировки, которые получаешь в тюрьме.

– Что вам нужно?

– Можно войти? – спросил я.

– Нет, пока не скажете, кто вы, – ответил он, но, как только слова вылетели из его рта, я заметил проблеск узнавания в его глазах. Он понял.

– Меня зовут Стивен, – сказал я, чувствуя на языке океанскую соль. – Я ваш сын.

Когда он заколебался, я подумал, что он отправит меня прочь. Помню, как слышал гудок поезда вдалеке. Этот звук всегда означает начало путешествия или конец. И чем дольше Финеас ждал, тем больше я уверялся в том, чем он будет для меня.

Но потом он меня удивил.

Он отступил в сторону и пропустил меня в дом.

Глава 5

Той ночью мама мне снова не снилась. Но только потому, что до наступления утра я едва ли сомкнула глаза.

Мне и Майлзу надо выбираться отсюда.

С восходом солнца я вылезая из кровати. Никак не могу забрать чемоданы, не породив сомнений, но хватаю рюкзак и запихиваю в него как можно больше всего. Напеваю себе под нос, чтобы успокоиться. Закидываю в рюкзак зубную щетку вместе с запасной одеждой. Мой тупой дротик. Поэмы Роберта Луиса Стивенсона. Все деньги, которые отец оставил нам, их более чем достаточно, чтобы добраться до Гарднера. Мы можем остановиться у Кэсс, пока не поймем, что делать дальше.

Хочу забрать том Шекспира, но он очень тяжел и непрактичен, и в последнюю минуту задерживаю на нем руку в прощании, а потом засовываю под кровать.

Я все еще не уверена, что скажу Майлзу. Стучу в его дверь.

– Хорошо позавтракай, – говорю я ему. Когда он направляется в ванную, укладываю его одежду в свой рюкзак. – И не возражай, если в этот раз ты положишь выпечку в карман.

– Поедем сейчас в город? – спрашивает миссис Клиффтон, когда я появляюсь внизу лестницы, пытаюсь держать переполненный рюкзак за собой. Я слишком нервничаю, чтобы завтракать, и едва могу смотреть на нее, улыбающуюся, в костюме в честь Дня военно-морских сил и белой креповой блузке, как будто все совершенно нормально. Она натягивает перчатки для вождения. – Пойдемте, – говорит она и жестом показывает Майлзу и мне следовать за ней.

Майлз ничего не замечает. Он совсем не обращает на меня внимания, расцветая под потоком вопросов миссис Клиффтон о завтраке и о том, как он спал, удобна ли его кровать, какие школьные предметы он любит, и я понимаю, как сильно ему не хватало внимания мамы. Пропасть между нами никогда не казалась больше, чем за эти последние месяцы, когда я поняла так много, а он – мне на зависть, так мало.

Когда нет дождя, миссис Клиффтон ведет машину лучше, и я могу критично разглядеть Стерлинг. Он кажется непримечательным. Лес и фермы, ухоженные, в хорошем состоянии дома, но в этот раз я замечаю, что все входные двери разных оттенков одного цвета: серо-коричневого, такого обыденного и грязноватого.

Мама всегда настаивала на том, чтобы наша входная дверь была самой яркой в городе, вишнево-красной, и папа перекрашивал ее при первых же признаках выцветания. При этой мысли я больше не могу сдерживаться: обвинения вылетают из меня.

– Миссис Клиффтон, – выпаливаю, прерывая ее на полуслове, – что-то здесь совершенно неправильно.

Ее спина выпрямляется, но она не пытается взглянуть на меня в зеркало заднего вида. В действительности оно там как будто просто для украшения. Я осознала это в тот момент, когда наклонилась вперед на выступе фонтана и не смогла увидеть свое отражение. Почему в моей ванной или в любой другой комнате дома Клиффтонов нет зеркал?

Потому что они были бы совершенно бесполезными.

Пытаюсь не дать смятению просочиться в мой голос.

– Расскажите нам о зеркалах.

– Хорошо, Айла, – говорит миссис Клиффтон успокаивающим голосом, но сжимает руль, и, когда Майлз смотрит то на нее, то на меня, я жалею, что поддаюсь импульсу. Может быть, то, что она прячет, настолько ужасно, что Майлзу не стоит знать. Мой страх становится сильнее.

– И скажите нам, почему цветы не пахнут, – добавляет Майлз, наклоняясь вперед.

Краска заливает лицо и шею миссис Клиффтон, совпадая с бордовым цветом ее шляпки.

– Мне очень жаль, – запинаясь, произносит она. – Я планировала сказать вам сегодня. Просто хотела, чтобы вы устроились на месте, и мы не знали... учитывая, что вы дети Джульет, – она колеблется, – повлияет ли это на вас. – Она оглядывается на нас с извинением в глазах. – Мы не говорим с посторонними о том, что происходит здесь.

– Что? – спрашивает Майлз. – Что здесь происходит?

– Мы называем это Исчезновениями.

Мимо нас проезжает машина, женщина за рулем приветственно поднимает руку и машет миссис Клиффтон. Но, когда она видит меня, ее улыбка застывает, и женщина хмурится.

Миссис Клиффтон говорит:

– Ваша мама правда никогда об этом не говорила?

Мы с Майлзом молчим.

Миссис Клиффтон вздыхает.

– Я не виню ее, в общем-то. Просто уехать и забыть все. – Она кивает на дорогу, раздумывая. – Мы никогда не знали, какой была жизнь до них. Они начались в 1907 году, когда мы родились.

Теперь она не так сильно сжимает руль, словно испытывает облегчение, оттого что секрет вышел наружу.

– Первое, что мы потеряли, – запахи. В тот день я была на Ярмарке урожая. Конечно, все туда пошли, но я была еще ребенком в то время.

Руль вращается в ее руках.

– Началось все невинно. Мы всегда поддерживали ежегодные дружеские соревнования между горожанами, чтобы увидеть, кто придумает лучший рецепт с яблоками Стерлинга: пироги и торты, сидр и желе. Понимаете, это глупо, конечно, но люди по природе могут быть склонны к соперничеству, особенно в таком маленьком городе, как этот. Все так сосредоточились на том, кого объявят победителем, что сначала никто не заметил, что что-то пошло не так. Только когда судья открыл блюда и наклонился, чтобы почувствовать аромат.

Начинают виднеться окраины города, и первой появляется станция «Тексако».

– Поначалу никто сильно не беспокоился, – продолжает она. – Конечно, мы не поняли в то время, что это значит, когда судья объявил, что запахи всех изделий словно исчезли. Про награду забыли, когда люди вышли вперед, чтобы самим убедиться в этом.

Ее голос начинает слегка дрожать.

– Возможно, они думали, что это только временно. Конечно же, никто не мог догадаться, что масштаб будет таков, что из Стерлинга исчезнут все запахи. Исчезновения повлияли на всех, молодых и старых – и на все: фрукты и цветы, духи и шампуни, даже на такое, что делает людей сентиментальными: например, запах волос ребенка или запахи, связанные с важными воспоминаниями.

Я думаю о запахах детства: жарящиеся яйца, пышное печенье с кристаллами сахара, мамин кофе с цикорием каждое утро, раскрашенная миска с лимонами на кофейном столике, исчезающий аромат папиного лосьона после бритья, когда он склонялся, чтобы поцеловать меня на ночь, даже запахи, которые я ненавидела. Как, например, вареный шпинат. Куча компоста. Подгоревшая белая рыба, запах которой надолго прилип к стенам Склона, пока мама не поклялась, что больше никогда не будет ее готовить.

– Специалисты по аносмии² приезжали со всей страны для исследований, – продолжает миссис Клифтон. – Но, даже когда в Стерлинге стали понимать размах того, что произошло, никто не знал, чем это вызвано или как все возратить. Ни к кому не вернулось обоняние, даже когда пытались покинуть город. С тех времен все дети в Стерлинге рождаются с этим. И с годами люди все больше смиряются с тем, что это навсегда.

– Это... – спрашиваю я, колеблясь, и сглатываю, – это будет чем-то постоянным для меня и Майлза?

– Не для вас, дорогая, – быстро говорит миссис Клифтон. – Вы должны выбраться из его власти, как только покинете наши границы.

Я выдыхаю с чувством облегчения, таким сильным, что мне и стыдно, и я чувствую себя эгоисткой. Смотрю на мужчин и женщин Стерлинга. Они все кажутся такими нормальными, беззаботными, бродя по центру города с пакетами в подмышках, забегая в бакалейный магазин Фитцпатрика. Женщина в большой шляпе с полями показывает на обочину своему сыну с пухлыми ручками.

– Что произошло потом? – спрашивает Майлз.

– Настоящая паника началась позже, – говорит миссис Клифтон. Она паркует машину. – Когда в тот же самый день через семь лет после первых Исчезновений это произошло снова. – Она выключает двигатель и смотрит на нас. – Однажды утром ваша мама и я проснулись и обнаружили, что у нас больше нет отражений. Я была всего лишь маленькой девочкой, но это было ужасно странно – пойти посмотреть на себя, только чтобы увидеть, что я исчезла. А потом, когда нам исполнилось четырнадцать, из наших красок и ручек словно вытекли все цвета. Все новое, что мы пытались раскрасить ими, получалось серым.

Я представляю свою маму девочкой, ее смятение и печаль, какие она должна была испытать, проснувшись и поняв: то, что она любила, исчезло.

– Кусочек за кусочком эти маленькие части нашей жизни, которые мы всегда считали чем-то само собой разумеющимся, стали ускользать от нас, – говорит миссис Клифтон. – Каждые семь лет как по часам что-то теряется: запахи, отражения, цвета...

Майлз прерывает ее:

– Но почему?

– Если бы я знала, дорогой. Никто не знает.

– Но моя мама могла чувствовать запахи, – протестую я, вспоминая ее сад, ужасный запах белой рыбы.

– Да, – говорит миссис Клифтон, в ее голосе появляется напряженность, – но эта история на потом. – Она бросает взгляд на город. – Не здесь.

Я едва могу поверить в то, что она рассказала, хотя видела это своими глазами. У меня кружится голова, и я потею, пытаюсь ухватиться за разматывающуюся нить, вспомнить все, что она рассказывала о том, как росла здесь, чтобы посчитать в голове.

– Если что-то исчезает каждые семь лет... – говорю я медленно. – Сколько прошло с последнего раза?

Миссис Клифтон машет кому-то через улицу, натягивая улыбку на лицо.

– Ну, боюсь, вы приехали как раз вовремя. – Она поправляет шляпу, не пользуясь зеркалом, и открывает дверь с искрой вызова. – Остался месяц до того, как мы выясним, что исчезнет следующим.

² Потеря обоняния (прим. пер.).

Пока Финч, портной, снимает с меня мерки для школьной формы, я онемело стою, а потом мы с Майлзом идем за миссис Клиффтон в универмаг. Пробираемся мимо ярких пятен апельсинов, рядов стеклянных бутылок и мыла без запаха, а мысли в голове так крутятся, что сначала я даже не понимаю, что за мной наблюдают. Женщина в белых перчатках и платье цвета весенней травы смотрит на нас из-за штабелей консервов «спам», когда мы выбираем Майлзу бумагу для набросков и пакет свежей картошки для Женевьевы. Как только я замечаю, что она уставилась на нас, женщина резко выпрямляется и машет миссис Клиффтон. Сумочка из крокодиловой кожи висит на сгибе ее локтя, энергично покачиваясь.

– Ю-ху-у-у! – зовет она. – Матильда! Что привело тебя сюда? – Пораженная, я крепче сжимаю мои школьные принадлежности, все еще раздумывая, не стоит ли нам с Майлзом сесть на следующий поезд и сбежать.

– Ой, это, должно быть, те *детки!* – Женщина кидается к нам, и я отступаю на шаг назад. – Боже мой, она точная копия Джульет, разве нет? *Так* великодушно с твоей стороны, Матильда, взять их к себе. Мне бы просто не хватило смелости после того, как Совет проголосовал против этого...

Миссис Клиффтон бросает на меня взгляд и резко говорит:

– Айла, Майлз, это Агата Макельрой. Она была подругой вашей мамы в юности.

Но мои мысли споткнулись, и теперь мне трудно сообразить. Какой-то совет проголосовал насчет Майлза и меня?

Проголосовал *против*?

– Матильда, в каком году родился этот маленький мальчик? – миссис Макельрой громко шепчет, кивая в сторону Майлза. Он бросает на меня взгляд, заходит за стеллаж со сгущенным молоком и делает вид, что задыхается. Я смотрю четко направо от него и молюсь, чтобы он прекратил представление, прежде чем кто-то заметит, но вместо этого он добавляет еще и выдуманную стрелу, попавшую в горло. Только Майлз может отреагировать на самый судьбоносный момент нашей жизни, притворяясь, что умирает посередине прохода с консервированными продуктами.

– В четвертом, – отвечает миссис Клиффтон, и я посылаю Майлзу мой самый убийственный взгляд. Но потом что-то заставляет меня изменить ход моих мыслей.

Возможно, это из-за того, что он единственный человек в мире, который может понять, что я чувствую сегодня. Поэтому я смотрю ему прямо в глаза, делаю глубокий вдох и протыкаю сердце воображаемым кинжалом. И даже для пушшего эффекта изображаю струю крови, текущую по платью.

Майлз уставился на меня.

– Финальное слово – «*беспрецедентный*», – шепчу я.

Он широко улыбается.

– Ты выиграла, – шепчет он в ответ.

– Матильда, не поверишь, что я слышу как глава библиотеки Общества сохранения, – теперь говорит миссис Макельрой. – Миссис Белинда Бэбкок попала в затруднительное положение на прошлой неделе. Давай просто скажем, что в этом замешаны ее знаменитые запеченные яблоки с корицей и немало рома. Если бы я была судьей на Ярмарке урожая, я бы подошла прямо к ней и потребовала, чтобы она отдала все эти оскверненные синие ленточки.

– Да? – устало спрашивает миссис Клиффтон. Когда она идет оплатить покупки, я замечаю коллекцию маленьких мешочков в глубине ее дамской сумочки.

Но миссис Макельрой не остановить.

– Ну, если она выиграла все эти голубые ленточки за свои яблоки с алкоголем, тогда мы не можем это просто терпеть. Подумай о *детях*.

Внимание Майлза теперь остановилось на рядах газет, и я встаю перед ним, чтобы закрыть заголовки: «Самолеты США сбили сорок два самолета и нанесли удар по двум крейсерам у Соломоновых островов: нацисты надвигаются на Сталинград».

Я представляю отца в безопасности, на корабле, и внезапно меня захлестывает волна гнева. Как он мог послать нас сюда, даже не предупредив?

Но каким-то образом я знаю, что он не мог бы.

Я сглатываю. Могла ли мама держать все это в тайне даже от него?

– Ох, Агата, я уверена, есть вполне разумное объяснение, – говорит миссис Клифтон. – Ненавижу быть невежливой, но чувствую, как подбирается головная боль. Передавай привет Джорджу.

– Конечно. Айла, найди моего Джорджа в школе, – говорит Агата. – Матильда, надеюсь, что головная боль скоро пройдет.

Я киваю миссис Макельрой и изображаю улыбку, уверенная, что головная боль миссис Клифтон прекратится, как только уйдет эта миссис Макельрой.

Когда мы выходим на солнечный свет с сумками с покупками, над нами звонит колокол.

– Хотя я намеревалась лучше познакомить вас с городом сегодня, – говорит миссис Клифтон, потирая виски, – но не уверена, что хотела бы, чтобы вы узнали его так хорошо.

– Но, миссис Клифтон, – нетерпеливо вмешивается Майлз, словно вопрос уже мучил его какое-то время, – роллы, которые мы ели вчера за ужином, – я чувствовал их запах.

– Конечно, чувствовал. И это тот момент, дорогой, – говорит она, – где история становится приятнее. – Она роется в глубинах своей сумочки и вытаскивает маленькие пухлые мешочки, которые я заметила раньше. Один сделан из кожи цвета темного шоколада, а другой – из бордового бархата.

Она протягивает их нам на ладони.

– Позвольте показать вам.

Глава 6

Миссис Клиффтон ведет нас по боковой улице и останавливается перед огромной витриной, затененной навесом. Вывеска со стрелкой указывает на «Хозтовары Блума».

– Вы могли почувствовать запах роллов прошлым вечером потому, что Женестьева добавила немного вот этого, – объясняет она, протягивая нам мешочки. – Варианты.

Она засовывает руку в мешочек шоколадного цвета. Когда она открывает ладонь, на ней тысячи крохотных кристалликов, мелких, как пыль. В зависимости от освещения они либо тусклого цвета песка, либо сияют как бриллианты.

– Я не должна делать это на людях, – говорит она, оглядываясь, украдкой. – Слишком много внимания привлекается, когда у наших гостей появляются и исчезают отражения. Хотя вы бы удивились, узнав, сколько людей не обращают внимания на мир вокруг себя. – Она смотрит на нас и улыбается. – О, ну это кажется достойным исключением.

Миссис Клиффтон показывает на витрину магазина Блума. Поверхность ее чистая, словно там даже нет стекла и мы можем протянуть руку и выбрать любой рулон шланга или какие-нибудь грабли, выставленные в ней. Потом она взмахивает рукой и осыпает стекло горстью пыли.

– Вот так, – говорит она, – и получается.

Варианты ударились о стекло как камешки, брошенные в воду, от которых бегут легкие круги по поверхности. Мое отражение вдруг появляется в созданных волнах.

Изумленная, я делаю шаг вперед. Девушка, которая смотрит на меня, четче, чем любое виденное до сих пор изображение. Я разглядываю контуры моих скул, румянец, пробивающийся на щеках, ярко-серый цвет моих широко раскрытых глаз. Удивляюсь, осознавая, что я, вообще-то, достаточно красивая.

– Варианты Зеркала, они временные: отражение останется на четверть часа, а потом снова исчезнет, – объясняет миссис Клиффтон. Она поворачивается, чтобы уйти, но я медлю, наслаждаясь длинным последним взглядом на свое отражение, гадая, когда снова увижу себя.

– Есть правила насчет того, когда можно пользоваться вариантами. Большинство из них разрешено, когда вы достигаете совершеннолетия в семнадцать и вам можно доверять их использование не совсем очевидным способом. Думаю, я уже стала плохим примером этого. Но, Айла, тебе же скоро будет семнадцать?

– Только в мае, – говорю я. Как странно, что до того времени мне нужно будет просить разрешения, чтобы увидеть свое лицо.

– Матильда Файн Клиффтон, я *никогда бы!*.. О чем ты *думаешь?*

Женщина в шляпке и маленькой вуали выскакивает из магазина хозтоваров Блума. За ней по пятам следует еще одна.

Я делаю шаг назад, пытаюсь закрыть витрину. Наше отражение еще не исчезло. Оно позади и выдает нас.

– Вайолет, Клара, позвольте представить вас детям Джульет, – спокойно говорит миссис Клиффтон. – Айла, Майлз, это миссис Фогг и миссис Пэттон. – Она тянет за полочки своего пиджака, чтобы расправить ткань. – Я просто показываю им немного настоящего Стерлинга.

Миссис Фогг смотрит на нас, прищурив глаза.

– Так Совет решил их все-таки пустить? – Она переводит взгляд на миссис Клиффтон. – Матильда, это такое разочарование, что такая женщина, как ты, поступает подобным образом. Ты служишь людям примером. Надеюсь, ты не забыла об этом. Плохо уже то, что ты приняла их – и прямо перед Ярмаркой.

– Спасибо, Вайолет, – сухо говорит миссис Клиффтон, – я вполне осознаю свою ответственность за использование вариантов.

Вторая женщина, миссис Пэттон, с пронзительными глазами цвета нефрита, пытается сгладить ситуацию. На ней строгий, идеально сидящий костюм, скулы на лице резко очерчены.

– Я уверена, этого больше не произойдет, – добавляет она демонстративно. – Пожалуйста, передай наши лучшие пожелания Малкольму.

Миссис Фогг поджимает губы, но молчит.

– Ю-ху-у-у! – на другой стороне улицы из универмага выходит миссис Макельрой и яростно машет. – Вайолет! Клара!

– Ох, ради всего святого, давайте притворимся, что не увидели ее, – говорит миссис Пэттон. Они наклоняют головы и спешат прочь. Миссис Фогг слегка толкает меня, проходя мимо.

– Пойдемте домой, хорошо? – говорит нам миссис Клиффтон. – Надо же мне было столкнуться с ними, – добавляет она сконфуженно, уводя нас прочь. Ее губы сжимаются. – Уверена, я еще услышу об этом позже.

– Доктор Клиффтон разозлится? – спрашивает Майлз понимающе.

Миссис Клиффтон коротко смеется.

– Нет, дорогой. Не доктор Клиффтон. Другие люди в городе, которые слишком беспокоятся о том, чтобы это все оставалось секретом.

Пока мы едем домой, миссис Клиффтон опускает стекла окон, чтобы залетал легкий ветерок. Я откидываюсь назад на сиденье и неожиданно хочу лишь поспать.

Когда бы я ни спрашивала маму о ее детстве, она просто пожимала плечами и говорила, что рассказывать особо нечего. Она прятала это от всех нас, что означает: она была не тем человеком, которым я ее считала. В любом случае не совсем.

В каком-то смысле это почти хуже, чем тот день, когда она умерла. Я чувствую, словно падаю на стуле назад и не знаю, когда коснусь земли.

Это кажется предательством.

Мои глаза натываются на кончик чего-то в кремового цвета пакете для покупок. Он дрожит на ветру, и я достаю его. Жесткий кусочек бумаги грубо сложен, а буквы внутри написаны в спешке крупным жирным шрифтом с таким нажимом, что ручка практически проткнула бумагу.

Я слатаываю. Это анонимное письмо всего из четырех простых слов:

Вам здесь не рады.

Как только мы добираемся до дома Клиффтонов, я незаметно уйду в свою комнату и разрываю записку на маленькие кусочки.

Если бы я была дома, то такое заслужило бы стать хорошей, глубокой бороздой на полу.

Глаза жгут от слез, и я выкидываю порванную бумажку в мусорное ведро. Если бы я могла показать ее Кэсс, ее рот открылся бы в идеальную букву «О», а глаза сузились бы от негодования и обиды за меня. Вместо этого я отправляюсь на поиски миссис Клиффтон. Она в столовой, наливает воду из графина в стаканы со льдом. Когда она мне улыбается, я решаю, что не расскажу ей про записку.

– Миссис Клиффтон, – говорю, нервно переплетая пальцы, – мой папа знает об Исчезновениях?

Миссис Клиффтон перестает на время наливать воду.

– Я сомневаюсь, что он знает, – говорит она и переходит к другому стакану. – Конечно, не могу быть уверена... – она колеблется, подбирая слова. – Но, когда я намекнула на то, насколько здесь все отличается, мне показалось, что он не совсем понял, о чем я. Он больше хотел убедиться в том, что о вас позаботится кто-то, кому он может доверять.

Она поправляет нож на столе.

– Пожалуйста, помни, что ты в полной безопасности здесь, Айла. – Лед двигается и хрустит в стаканах. Я снова думаю о Совете.

Пытаюсь решить, за какую ниточку ухватиться: «Почему вы здесь остаетесь? Почему мама скрывала это? Что такое Совет? И почему люди не хотят видеть нас в Стерлинге?» – когда приходит Женевьева, балансируя тарелкой с ветчиной.

– Айла, – говорит миссис Клиффтон, поднимая серебряные щипцы для льда, – я убеждена: все это поражает тебя и у тебя много вопросов. Для них будет свое время. Но сейчас можешь позвать всех на ужин?

Неохотно отправляюсь искать Майлза и Уилла. Нахожу их на улице, перекидывающих друг другу мяч. Судя по всему, Уилл вчера подстригся. Его взъерошенные волосы на затылке коротко и ровно уложены, а гель сделал их почти черными. Я останавливаюсь у окна, позволяя себе по-настоящему взглянуть на него – на его скулы, которые, как я вижу теперь, он получил от матери, четкий изгиб линии подбородка, темные длинные ресницы. Я вспыхиваю, когда он поворачивается и внезапно смотрит на окно, и стучу по стеклу, чтобы позвать их в дом. Потом склоняю голову и спешу вперед, к дубовым дверям библиотеки доктора Клиффтона.

– Доктор Клиффтон!

Дверь приоткрыта, и я стучу, прежде чем открыть ее, но, когда вхожу, понимаю, что застала его врасплох. Он резко встает и закрывает книгу, которую читал. Очки сползают вниз по его переносице.

– Айла? – спрашивает он и, могу поклясться, выглядит почти виноватым.

– Ужин готов, – сообщаю. Он улыбается, словно говоря, что я могу идти, и я понимаю, что он не последует за мной, пока не покину комнату.

Но мне удастся заметить книгу, которую он читает, до того, как он спрячет ее. На корешке серебряными буквами написано: «*Мифы, легенды и предания: история Стерлинга*». Я умываюсь перед ужином и щиплю себя за щеки. Ничего не проясняется. Нежелание миссис Клиффтон рассказывать. То, как люди смотрели на нас в городе. Мамины секреты, даже от папы. Начинаю чувствовать, что, если хочу ответов – настоящих, – мне придется самой найти их.

Однако, когда наливаю кленовый сироп на большую желудевую тыкву, чувствую первый проблеск понимания решений мамы. Нет ничего удивительного, что она уехала столько лет назад и никогда больше не говорила о Стерлинге. Да и, учитывая все, что я до сих пор видела, что она могла бы сказать?

После ужина я сталкиваюсь с Уиллом, когда мы оба одновременно встаем, чтобы выйти из-за стола.

– Прости, – извиняюсь я, отступая назад. Наши глаза встречаются.

– Это я виноват, – говорит он. Он отходит в сторону, давая мне больше пространства, чем нужно в действительности. – Полагаю, ты присоединишься вечером к нашей игре? – спрашивает он, переминаясь с ноги на ногу. – Я не давя на тебя. Только если сама хочешь.

Я думаю о книге, которую доктор Клиффтон пытался спрятать.

– Да, – отвечаю я Уиллу, задвигая стул, – думаю, я присоединюсь к вам сегодня.

Мы садимся неровным кругом в библиотеке: Уилл – в чересчур большое кожаное кресло, доктор Клиффтон – на стул «Хичкок», а Майлз – на пол. Я опускаюсь на диван, рядом с миссис Клиффтон.

– Будет здорово играть с еще одной девчонкой в комнате, – говорит миссис Клиффтон, раздавая карты, и я удивлена, понимая, что это действительно весело, хотя играю я ужасно. Меня отвлекает тот факт, что со стола доктора Клиффтона убрано все и книги нет.

Когда мы уходим спать, я слышу голос миссис Клиффтон из соседней комнаты, когда она желает Майлзу спокойной ночи.

– Майлз, – говорит она, – ты хотел меня о чем-то спросить? Желаете поговорить о завтрашней школе или о чем-нибудь другом?

Я останавливаюсь на середине строчки Кольриджа, чтобы послушать, жалея, что не подумала сама спросить его об этом. Раньше я бы этого не сделала, но почему-то кажется, что мне стоит начать.

Он не спрашивает ее о вариантах, или об Исчезновениях, или о маме, или о войне, как не задает тысячи других вопросов, которые я хотела бы, чтобы он задал.

– Зубная фея приходит в Стерлинг? – спрашивает он вместо этого. – У меня шатается один зуб.

Я закатываю глаза: почти уверена, что Майлз знает, что зубной феи не существует, так же как что он собирает монетки на новый комикс «Подводник».

– Конечно, – говорит миссис Клиффтон. – Стерлинг – одно из ее любимых мест. Но ты должен сказать мне, когда зуб выпадет, чтобы я убедилась, что она знает, где его искать.

– О, хорошо, – говорит он.

– Завтра будет чудесный день, – продолжает она. – В вашей школе так много замечательных людей. Волнующе, не так ли, знать, что завтра встретишь много новых друзей?

Майлз молчит. И потом слышу, как он повторяет слова, которые мама всегда говорила нам, когда мы были маленькие. Я давно их не слышала и даже не знала, что он их помнит.

– Миссис Клиффтон, пусть ваши сны будут наполнены звездами, а не тенями, – говорит он. Теперь, когда он мне не виден, его голос словно принадлежит кому-то младше.

– Спасибо, Майлз, – произносит миссис Клиффтон так тихо, что я почти не слышу ее. – Но, боюсь, сны – это то, что ушло из Стерлинга задолго до твоего рождения.

Я закрываю глаза. Так, значит, это не совпадение, что мои кошмары прекратились, как только мы переехали в Стерлинг. Сны, даже плохие, были единственным последним способом дотянуться и коснуться мамы. И даже ее призрак был лучше, чем ничего.

Той ночью я жду в своей комнате, пока дом не затихнет. Моя новая форма висит в шкафу. Белая блузка, галстук и темная юбка с заглаженными складками как будто обещают: *«Мы поможем тебе выглядеть так, словно твое место здесь»*. Я пытаюсь не смотреть на них.

Вместо этого завязываю волосы в пучок, позволяя ушам дышать в таинственности комнаты. Из всех черт, которые я не люблю, именно кусок хряща, свернутый как зерно, на кончике моего правого уха я ненавижу больше всего. Несколько месяцев мне он почти нравился, когда вдохновил папу на прозвище для меня. «Мой маленький эльф», – говорил он и брал меня на руки.

Но все кончилось одним весенним днем в восьмом классе, когда Диксон Фейервезер, парень, по которому я тайно страдала четыре года, похлопал меня по плечу на уроке. Я наклонилась к нему с тупейшей улыбкой на лице, пока он вдруг не отпрыгнул.

– Эй, что это? – спросил он, показывая пальцем. – Это бородавка? Отвратительно.

Отвратительно.

Финальное слово для меня и моего уха.

Я заплакала, только когда добралась домой, и вырезала самую глубокую линию в полу. Две недели спустя Диксон разбил собственный нос, пытаясь ударить Саймона Снида тетерболом.

В то время мы обе, Кэсс и я, плакали... от смеха.

Я стряхиваю воспоминания, решив, что прождала достаточно долго, чтобы все заснули. Самое время еще раз взглянуть на библиотеку доктора Клиффтона.

Когда открываю дверь, коридор погружен во тьму. Крадусь вниз по ступеням и проверяю кухню, просто чтобы убедиться, что никого нет. Свет выключен, и Женевьева уже давно ушла спать. Я тянусь к выключателю.

Когда свет включается, раздается скрип стула по полу, и кто-то вскакивает. Я вскрикиваю, а потом закрываю рот рукой, чтобы заглушить крик.

Это Уильям.

Он сидел за кухонным столом в темноте, перед ним на тарелке недоеденный сэндвич. Его лицо кажется более угловатым, чем при свете дня. Новая стрижка чуть-чуть коротковата, но ему идет.

Я замираю, понимая, что мои волосы все еще собраны в пучок на макушке и прикрыть ухо будет нелегко. Не говоря уже о том, что я в ночной рубашке, такой тонкой, что она едва ли скрывает мою грудь. *Ты полная дура*, говорю себе, *не смотри вниз*. И чувствую, как лицо горит. Конечно же, я не подумала надеть халат.

Тянется какое-то бесконечно долгое мгновение, и наконец Уилл прочищает горло.

– Не спишь? – вежливо спрашивает он. Он устался на пол рядом с моими ногами.

– Мне хотелось пить, – вру, потом делаю какое-то неуклюжее движение руками и скрепчиваю их на груди.

– Здесь есть молоко и немного содовой, – улыбается он, кивая в сторону холодильника.

– Да, – говорю я и двигаюсь туда настолько быстро, насколько могу.

Уилл садится на стул и смущенно показывает на сэндвич на столе.

– Когда занимаюсь, обычно всегда хочу есть, даже после ужина. Только пообещай, что не расскажешь Женевьева. – Чувствую, как его глаза останавливаются на моем покрасневшем лице, пока он снова не переводит взгляд на стену.

Он откусывает еще кусочек сэндвича.

– Хочешь присесть? – спрашивает он с набитым ртом. Я наливаю стакан молока и медлю в нерешительности. На Уилле белая футболка и голубые пижамные штаны в полоску, из-за чего я чувствую себя немного лучше.

Ставлю молоко обратно в холодильник и опускаюсь на стул напротив Уилла. Когда снова устанавливается тишина, достаточно быстро выпиваю молоко.

– Мы сегодня были в городе, – наконец говорю я. – Я встретила миссис Макельрой.

Уилл смеется, и я замечаю его слегка изогнутый клык.

– Один из ярчайших бриллиантов Стерлинга, – говорит он.

– И твоя мама показала мне варианты Зеркала.

– А, да, варианты. – Он глубоко вздыхает. – Так теперь ты знаешь?

– Думаю, – говорю, – что здесь еще много такого, чего я *не* знаю. – Я колеблюсь. – У Стерлинга есть Совет?

– Да. Он принимает решения в интересах города, управляет вариантами, планирует события в городе. Мой отец – член Совета.

– И они... должны были проголосовать, чтобы пустить нас?

Уилл катает по тарелке крошки сэндвича и не смотрит на меня.

– Слушай, – наконец говорит он, а взгляд его голубых ясных глаз и что-то в голосе заставляет меня задержать дыхание, – здесь есть люди, которые... не всегда хорошо относились к твоей маме, – говорит он. – Попытайся не обращать на это внимания. Мама говорит, что она была прекрасным человеком.

Это не должно было шокировать меня, только не после записки из города, но почему-то это так.

– О, – говорю я. – Ну, я это знаю. Знаю, какой она была.

Но так ли это?

– Если кто-то что-нибудь скажет, можешь обратиться ко мне, – предлагает он.

– Почему... – Мой голос обрывается и предает меня. Я прочищаю горло. – Почему она им не нравилась?

Крошки от сэндвича разбросаны между нами как созвездия. Уилл проводит пальцами по краю тарелки.

– Я слышал, что она отличалась от других. Ты должна понять, что люди здесь делают все возможное, чтобы доказать их непричастность к Исчезновениям. Но твоя мать... оказалась единственной, кому удалось покинуть это место и освободиться, – говорит он. – Она выбралась и ни разу не оглянулась. Думаю, это оставило неприятный привкус во рту некоторых людей.

Я, жуя нижнюю губу, обдумываю его слова. Моя мама была единственной?

– И, может... – он мнется, – из-за этого они относились к ней немного с подозрением.

Он неловко встает и относит тарелку к раковине.

– Я завтра уйду на занятия рано, – говорит он. – Но, наверное, увидимся в коридоре.

Дойдя до двери, он оборачивается.

– Просто помни, что это и твое место. – Он потирает руками затылок и смотрит на меня так, словно пытается убедиться, что я не слишком расстроилась. – Они даже в школу тебя не пустили бы, если бы ты не была дочкой Джульет и уже не имела с нами какую-то связь.

Я заставляю себя кивнуть.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – отвечает он и оставляет меня смотреть на глубокую линию на кухонном столе, которую как шрам оставил один из ножей Жозефины.

Когда я впервые увидела сотни книг на стенах библиотеки мистера Клиффтона, она мне понравилась, но теперь я борюсь с желанием закричать и скинуть каждую из этих книг с полки. Я роюсь среди них, пытаюсь найти в темноте корешок нужной, пока усталость не одолевает меня. Наконец признаю, что, если бы доктор Клиффтон хотел спрятать книгу в первую очередь, он бы не оставил ее просто где-то на виду.

Но я найду ее. Буду продолжать возвращаться и искать, пока не обнаружу. Потому что, как мама всегда говорила со смесью гордости и смущения, я унаследовала все свое упрямство от нее.

Возвращаюсь в комнату. Мамин Шекспир лежит там, где я его и оставила, на ночном столике. Беру его в руки и открываю на коленях как одеяло, провожу пальцами по пометкам, которые мама оставила на страницах. Я открыла на «Все хорошо, что хорошо кончается». Читаю слова, которые она обвела ручкой:

Презренный мальчик, недостойный
Такого дара, ты посмел отвергнуть
Мою любовь и милость, но тебе
Не может даже сниться.

Снова читаю, сузив глаза.

Эти строки просто поразили ее, потому что напомнили о Стерлинге? Или они должны быть ответами? Каким-то посланием? Одной из ее любимых загадок?

Закрываю книгу и оставляю на подушке рядом с собой, чтобы смогла спать, ощущая ее вес. Потом роюсь в своем рюкзаке в поисках ручки. Заметив мамини пометки на страницах, понимаю, что почти забыла нашу традицию. Ночью перед первым днем школы она всегда рисо-

вала маленькое сердечко на внутренней стороне моей руки, прямо у сгиба локтя, где почти никто не мог его увидеть, но я замечала его на протяжении дня, словно это тайное любовное послание.

Снимаю колпачок с ручки. Мои пальцы подрагивают, рисуя линию, и чернила серые, но, когда смотрю на окончательный результат, я довольна. Это не должно быть еще чем-то, что умрет вместе с ней.

Пробираюсь в комнату Майлза, беру его мягкую руку в свою и рисую сердечко, похожее на мое. Он лишь слегка шевелится, когда чернила касаются его кожи.

Надеюсь, что, когда завтра проснется и обнаружит это сердечко, он подумает, что мама вернулась, чтобы оставить последний знак, поцелуй на его теле, и показать, как сильно она его любила. Надеюсь, это поможет ему запомнить Джульет Каммингс Куинн, которая жила, двигалась и дышала в наших жизнях.

Это вызов и обещание, которое я даю ему и себе.

Я узнаю, что действительно здесь произошло, и воспользуюсь этим, чтобы очистить имя моей мамы.

Глава 7

29 августа 1940 года

Птицы: великолепный чернокрылый фрегат.

Раздвоенный хвост.

Может непрерывно оставаться в воздухе больше недели.

Вынуждает других птиц отпрыгнуть еду и потом крадет ее для себя.

Дом Финеаса – страннейшее сочетание стерильности и разрушения – похож на самого Финеаса. Волосы его растрепаны, а в щетине блестит седина. Зубы желты от табака, на пальцах татуировки, поэтому кажется, что они постоянно покрыты грязью. Но ногти чистые и розовые.

В тот вечер нашей встречи, когда он приглашает меня войти, я остаюсь на ужин. Мы обходим стороной все важные вопросы, пока он ложкой накладывает красное тушеное мясо в две ослепительно-белые, треснутые и со сколами миски.

– Пахнет вкусно, – говорю, когда он ставит жаркое передо мной. Не знаю, почему так говорю: это наглая ложь. Я вообще не могу почувствовать запах. Может, просто привычка или нервы.

– Так с тобой все было хорошо? – спрашивает он угрюмо, и я борюсь с желанием рассмеяться. Я посылал ему несколько писем в тюрьму, пока не понял, что на них не отвечают. Конечно же, он помнит, что я провел большую часть своего детства в инвалидном кресле.

Я не рассказываю ему об одиночестве, о том, как плохо все закончилось у нас с Джульет или как планировал покончить с собой позже, сегодня вечером. Я скользю по краю линии, отвечая прохладным «Я все еще здесь».

Потом опускаю ложку и с ужасом смотрю, как она падает и забрызгивает красным скатерть. Финеас вскакивает, а я сижу и мучаюсь, пока он несколько минут трет пятно, словно на скатерти кровь.

– Прости, – говорю сухо, а он лишь машет рукой. Но я замечаю, какой чистый этот дом. Пустой и стерильный, как будто он моет его каждый день с отбеливателем.

– За что ты попал в тюрьму? – спрашиваю вдруг, когда он возвращается на место.

Он делает паузу.

– Кража, – говорит он. И частично это правда.

– Когда ты вышел?

– Двадцать пять лет назад.

– И так и не вернулся. – Я имел в виду «Ко мне ты так и не вернулся».

Он ворчит и выскребывает прилипшие остатки жаркого с внутренней части миски.

– А что насчет... – он замолкает. Знаю, о ком спрашивает, но не хочу рассказывать эту длинную, ужасную историю. Не сейчас. Поэтому пожимаю плечами и качаю головой, и он больше ее не упоминает.

Остальная часть ужина наполнена пристальными взглядами и болезненным молчанием. Это, думаю, кульминация, книжный конец моей жизни. Но когда он отводит меня к двери, то дает мне номер телефона, написанный на кусочке бумаги.

– Мне нужна помощь с разной работой, – быстро говорит он. – Может, у тебя получится еще прийти.

Позже, на платформе, когда поезд несется ко мне, я смотрю вниз, на пропасть путей подо мной, и качаюсь с пятки на носок. Я не написал последней записки: некому ее оставить. Но нащупываю в кармане клочок бумаги.

Мои пальцы сжимаются вокруг отцовской записки. Когда поезд уже почти рядом со мной, благополучно отступаю назад, в ясную, беззвездную ночь.

Глава 8

Утром, когда мы с Майлзом впервые идем в школу, миссис Клифтон ждет у лестницы с перекинутым через руку пальто и кожаным мешочком. Уильям уже ушел на занятия.

– Уверена, вам не терпится, – говорит она. Она применяет варианты Зеркала к ручному зеркальцу, чтобы я могла посмотреть на себя. Потом, прежде чем я действительно заканчиваю поправлять форму и приглаживать волосы, она торопит меня и Майлза идти к машине.

– Не хочу опоздать, – говорит она.

Дорога в школу знакома до последней развилки, на которой мы поворачиваем направо вместо левого поворота в город. Миссис Клифтон что-то говорит на переднем сиденье, но я смутно осознаю ее слова. Засовываю руку в карман и нащупываю ленту Кэсс как напоминание о том, что я здесь ненадолго.

Когда поднимаю глаза, мы приближаемся к двухэтажному зданию из потускневшего кирпича. Я разглядываю каскад широких бетонных ступеней старшей школы, яблоки и серебряные мечи, изображенные на флагах над аркой входа, и наконец самих учеников, толпящихся группками около каменной стены, которая отделяет территорию школы от сада. Здание начальной школы Майлза едва видно за ним.

– Я отведу Майлза в его новый класс, – говорит миссис Клифтон. – Кабинет директора на первом этаже, справа. Он ждет тебя. – Она протягивает руку к заднему сиденью и легонько сжимает мое колено. Ее рука теплая, как и мои лицо, уши и шея.

– Не забудь, что Уильям всегда рядом, если тебе что-то понадобится, – говорит миссис Клифтон, когда я вылезая из машины.

– Пока, Майлз, – говорю, – увидимся после школы.

– Будет здорово, – говорит Майлз, вздергивая с вызовом подбородок. Я поднимаю руку, чтобы помахать на прощание. Когда он машет в ответ, замечаю маленькое сердечко на внутренней части его локтя.

Потом закрываю дверь, и машина уезжает, а я остаюсь одна.

Шепотки начинаются, как только пересекаю школьный двор. Я хочу стряхнуть их, но они липнут ко мне как нити паутины, пока поднимаюсь вверх по ступенькам и прохожу под изогнутыми арками входа. Я стараюсь смотреть прямо перед собой, но решаюсь глядеть на землю чуть впереди себя. Такое чувство, будто наблюдаю за собой в микроскоп, изо всех сил пытаюсь идти и двигаться как нормальный человек. Если говорить о том, чтобы влиться, моя форма не очень-то помогает.

Нахожу кабинет директора там, где указала миссис Клифтон, – «ДИРЕКТОР КЛИРИ» написано на медной табличке на двери – и стучу.

– Входите, – раздается низкий голос.

Директор Клири сидит за массивным дубовым столом, сцепив пальцы перед собой. Он, похоже, вздрагивает, увидев меня, но быстро берет себя в руки. У него высокий лоб, редящие каштановые волосы и уши, которые, как мне кажется, расположены слишком низко. Его портреты висят на трех стенах кабинета: на одном он получает диплом, на другом задумчиво смотрит из окна, а на третьем подписывает какой-то документ замысловатой ручкой.

– Мисс Куинн, – он показывает на стул перед столом, – присаживайтесь.

Я сажусь, сгибаю руку так, чтобы могла видеть крошечное сердечко на внутренней части локтя.

– Мы очень редко приветствуем нового ученика в нашей школе, – начинает директор Клири. – Я так понимаю, вы знаете... о наших необычных обстоятельствах в Стерлинге? – Он наклоняется вперед.

– Да, знаю.

– Из-за этих особых условий у нас есть несколько правил, которым вы должны неукоснительно следовать, – говорит он, поднимаясь. Складки на его брюках резкие и четкие. – Эти положения будут особенно строгими, пока вы не достигнете Совершеннолетия, – он дает мне толстый буклет «Руководство по полному соблюдению правил использования вариантов в старшей школе Стерлинга».

– И ваше расписание. – Он передает через стол бумажку. Биология, геометрия, шитье, потом обед. Дневные занятия английским, в разные дни физкультура и навыки жизни в семье, история. Замечаю еще один портрет, поменьше, занимающий главное место на столе директора. Более молодая версия мистера Клири застыла во времени, расчесывая маленького розоватого пуделька.

Я фыркаю, потом пытаюсь скрыть это за кашлем и почти давлюсь.

– Все нормально, мисс Куинн?

Я киваю, слезы наворачиваются на глаза.

– Другие ученики вашего класса уже на несколько недель вас опережают. Вам придется усердно трудиться, чтобы идти вровень с ними. В этой школе мы обучаем целеустремленных, прилежных учеников. Ничто меньшее здесь не потерпят. У вас есть вопросы, мисс Куинн?

Не дожидаясь моего ответа, он продолжает:

– Я назначил одного из ваших одноклассников провожатым, чтобы вы могли без проблем найти классы для занятий. Вчера здесь была Агата Макельрой и упомянула, что уже встречалась с вами в городе, поэтому она предложила своего сына Джорджа вам в помощь. Если у вас будут другие вопросы, пожалуйста, задавайте их ему.

И на этом директор Клири показывает мне на дверь и плотно закрывает ее перед моим носом.

Какое-то время я стою в коридоре, все еще глядя на запертую дверь и делая вид, что изучаю расписание. Нашупываю ленточку Кэсс в кармане. Ученики проходят мимо и разглядывают меня. Некоторые шепчутся, кто-то врывается прямо в меня, но никто не здоровается и не предлагает помощь.

Потом слышу взрыв смеха Уилла за окном.

Складываю свое расписание и кладу его в книгу, потом выхожу во двор на знакомый голос.

– Клиффтон!

Парень с короткой стрижкой передает через двор мяч Уиллу. Я облакачиваюсь о металлические перила лестницы и смотрю, как Уилл останавливает его ногой, а потом отбивает назад. Он вытаскивает форменный галстук из кармана брюк и завязывает вокруг шеи.

Другой парень берет мяч, затем подает его с большей силой. Мяч пролетает мимо Уилла и останавливается у ступенек, прямо передо мной. Уилл бежит трусцой к нему, бросает на меня взгляд и снова смотрит на меня.

– Привет, – говорит он.

– Привет, – отвечаю, вспыхнув, вспоминая, что, когда мы виделись в последний раз, я была в ночнушке.

– Кто эта милашка, а, Уилл? – кричит парень с короткими волосами. Другой член команды поднимает пальцы к губам и коротко и пронзительно свистит.

Уилл не смотрит на меня. Он говорит через плечо.

– Хватит. Она друг. – Он кладет руку мне на шею сзади. Потом наклоняется за мячиком и подкидывает его в руках. – Кто-нибудь придет за тобой?

– Мне так сказали, – говорю я.

Другой мальчик продолжает:

– Кажется, Уилл уже помечает свою территорию.

Уилл сжимает зубы.

– Эй, Престон, – кричит он в ответ, – почему бы тебе просто *не отвалить*?

Он кидает мяч перед собой и обегает других игроков ровным быстрым кругом, бросая им вызов попробовать забрать у него мяч. Это сбавывает и отвлекает их внимание от меня.

Еще один парень появляется в этот момент, легким бегом направляясь из сада к ступенькам, где жду я. У него светло-русые волосы, которые торчат так, словно редко видят расческу. Его рубашка спереди не заправлена, а галстук висит немного криво.

– Айла? – Он протягивает руку, подходя ближе, и я отпускаю перила, чтобы пожать ее. – Я Джордж. Первый урок у нас вместе: биологическая лаборатория доктора Дигби – поэтому я проведу тебя. Пойдем?

– Очень мило с твоей стороны, – говорю. – Спасибо. – Улыбаюсь Уиллу, чтобы он знал, что у меня все хорошо и ему не нужно беспокоиться.

– Ну, Клифтон, кажется, ты заполучил настоящую сладкую гостью в доме, – громко говорит парень по имени Престон, когда я следую за Джорджем по ступеням.

– Заткнись, – говорит Уилл, быстро толкая Престона в ребра, когда над лужайкой раздаётся первый звонок.

– Так ты уже встречалась с директором Клири? – Джордж кивает на закрытую дверь директорского кабинета, когда ведет меня по коридору. – Нам так повезло с ним. Но мне любопытно: что ты подумала? Лично мне всегда казалось, что он способен вдохновлять.

Это не сулит ничего хорошего для нашей будущей дружбы с Джорджем. Слегка улыбаюсь ему в ответ и этим ограничиваюсь. Директор Клири и вправду кажется тем, кто прикрепил бы ко мне главу своего личного фан-клуба.

– Иногда я не уверен, что мне нравится в нем больше: скромность или тонкий вкус в искусстве, – продолжает Джордж, подтверждая, что мне предстоит очень длинный день. Он идет быстро, и я почти бегу, чтобы не отставать. – Эти портреты в его кабинете, – говорит он, – некоторые ученики ждут всю свою школьную карьеру этой чести, а ты увидела их в первый же день. Сможешь выбрать, какой тебе понравился больше всего? – Он внезапно останавливается и смотрит на меня.

Его брови поднимаются, пока он ждет моего ответа, а потом уголки его рта вздрагивают. С блеклыми веснушками и довольным выражением лица, он немного похож на Майлза.

Он начинает смеяться.

– Шучу, – говорит он. – Он ужасен. Любит разглагольствовать. Но ты бы видела свое лицо. – Джордж снова идет вперед. – Пойдем, – зовет он через плечо.

Я улыбаюсь, смотрю на его удаляющийся затылок и спешу догнать. Мы заворачиваем за угол и почти сталкиваемся с девочкой в черепаховых очках. Коса оплетает ее голову как змея.

Ее взгляд, обращенный на меня, переходит грань обычного любопытства. Она кривится и спешит прочь, а я снова думаю о записке из города.

– Знаешь, я вчера встретила твою маму, – сообщаю я Джорджу.

– Она упомянула об этом. – Он корчит рожицу. – Пожалуйста, я хочу, чтобы ты знала, что я в отца.

– Она была... совершенно милой, – неуверенно говорю я. В ответ Джордж фыркает.

Мы замедляем шаг перед классом, заставленным длинными деревянными столами.

– Практическое занятие по биологии. Мой любимый урок, – Джордж приглашает меня войти в класс. – Вот и пришли.

Когда я вхожу в комнату, весь класс оборачивается. Уголком глаза вижу, что нарисованное мной сердечко уже тускнеет.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, – говорит доктор Дигби, выходя вперед. Его увеличенные линзами глаза смотрят из-за толстых очков, из кармана лабораторного халата торчит ряд ручек.

– Класс, это мисс Айла Куинн, – объявляет он. – Какой чудесный день, чтобы присоединиться к нам, мисс Куинн. Сегодня мы начинаем изучать удивительный мир осмоса, и не на ком другом, как на примере *Allium cepa*, – он показывает белую луковицу классу, – больше известной обывателю как обычный лук. – Второй рукой он дважды стучит линейкой по столу. – Надеваем защитные очки, пожалуйста!

Я следую за Джорджем к дальней парте лаборатории. Есть два стула рядом с девочкой с глазами цвета умбры и закругленной челкой, доходящей ей до бровей. Она улыбается мне с любопытством и убирает футляр от скрипки, чтобы освободить место. Ее нарядные туфли делают ее форму изысканнее, чем мои короткие носки и цветные полуботинки.

Я ставлю сумку вниз, и, как только доктор Дигби отворачивается, под лабораторными столами мчится вихрь записочек. Это особый вид пытки – знать, что все они оценивают меня. Неожиданно я снова в восьмом классе и чувствую горячее дыхание Диксона Фейервезера на моем уродливом ухе.

– Беас, – говорит Джордж, – познакомься с Айлой. Она приехала сюда из...

– Гарднера, – говорю. – Привет.

– Добро пожаловать в сумасшествие, – говорит Беас, передавая мне пару очков. У нее низкий, гортанный голос. Она натягивает свои собственные очки и засовывает леденец в рот. – Хочешь конфету? – предлагает она. Я качаю головой. – Так что ты думаешь на сегодня о нашем сумасбродном городке?

– Он кажется нормальным, – говорю, нервничая. – Я живу у Клифтонов. Знаешь их?

– Конечно. С Уильямом, – говорит она. Ей, кажется, забавно. Потом она роняет луковицу на стол, и Джордж ловит ее до того, как она покатилась по полу.

Он показывает ножом на луковицу и говорит:

– Да, Уильям разбивает сердца. А теперь давайте займемся работой, ладно?

– Нет, нет, не так, – смеется Беас. – Ты же знаешь, я смотрю только на Тома. Хотя... – она не заканчивает. – Давайте просто скажем, что я знаю людей, которые не будут рады это услышать.

Джордж одновременно кивает и пожимает плечами, словно он точно знает, о ком она.

– Класс, открываем страницу пятьдесят два и давайте начнем, – говорит доктор Дигби. Джордж достает маленький скальпель и начинает счищать тонкие прозрачные слои лука.

– Так, думаю, сейчас мы должны тебе рассказать все разные способы использования вариантов, – говорит Беас. Она не делает попытки помочь Джорджу с экспериментом. Вместо этого протягивает руку в мою полукрытую сумку, достает оттуда буклет «Соблюдение правил использования вариантов», открывает его на одной из первых страничек и пробегает пальцем по списку. Там написано:

ВАРИАНТЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ

Краска

Аромат

Зеркало

ВАРИАНТЫ УСИЛЕНИЯ

Угольки

Мерцание

Внутренний взор
Ночное зрение
Покрывало

– Понятия не имела, что их так много, – говорю, подтягивая к себе список, чтобы посмотреть внимательнее. – Я только видела эти, с Зеркалом. – Внезапно вспоминаю дождь и грозу в день, когда мы приехали, и неожиданно сухую одежду миссис Клиффтон. – И, наверное, те, что сохраняют предметы сухими.

– Да, это варианты Покрывала, – подтверждает Беас, рассеянно наматывая темные пряди челки на карандаш. – Они отталкивают воду. И мы используем Угольки, чтобы согреться, – поясняет она. – Рассыплешь немного над собой – и ты словно закутался в одеяло. Их можно использовать в школе, если ты Совершеннолетний. Но если пользуешься вариантами Аромата на уроке кулинарии, это считается жульничеством.

– Может, мне даже лучше не чувствовать запаха того, что готовлю, – говорю. Я стала готовить, когда мама заболела. Майлз и папа справились с первым приготовленным мною ужином, бормоча, какой он вкусный, хотя я сожгла курицу до углей.

– И мы должны рассказать тебе о самом запретном варианте для школы, – говорит Беас, – он называется Внутренний взор. Ты наносишь его на веки, и он в той или иной степени улучшает твою память, так что тебя могут исключить, если застукают, что пользуешься им на экзамене.

«Внутренний взор», – думаю я, вспоминая оговорку Уильяма.

– Учителя всегда проверяют наши веки перед тестами, – добавляет Беас.

Джордж кладет срез лука под микроскоп.

– Посмотри, – говорит он.

Я прикладываю глаз к окуляру.

– Что значит: варианты разделены на разные категории – Возмещение и Усиление? – спрашиваю. Я верчу ручки микроскопа, пока клетки лука не расплываются, а потом становятся четкими. Есть что-то успокаивающее в том, как упорядоченно они выстроились, все в аккуратном ряду.

– Варианты Возмещения действуют как замена Исчезновений, – объясняет Джордж. – Они для запаха, зеркал и некоторых замен цветов. Усиление объяснить несколько сложнее.

Я выпрямляюсь, оставляя микроскоп, и подвигаю его обратно к Джорджу.

– Люди наткнулись на варианты Усиления в те годы, когда искали варианты Возмещения, например, способность видеть звезды или сны, – для этого у нас еще нет вариантов.

«Звезды, – думаю я, и мой желудок сжимается. – Их звезды исчезли».

– Но что варианты Усиления имеют общего с Исчезновениями? – спрашиваю.

Какое-то мимолетное выражение пробегает по лицу Джорджа.

– Нам не известно, – говорит он, хмурясь. – Мы не знаем, усиливают ли они то, что потом может исчезнуть, – и мы наткнулись сначала на лекарство – или это что-то другое. – Он снова смотрит в микроскоп. – С Усилением дело выглядит так, словно мы столкнулись с чем-то, еще не открытым. И фрагменты ничего не объяснят, пока не узнаем всю историю.

– Но посмотри на этот список, Джордж, – говорит Беас. Она перестает играть с челкой и выпрямляется. – Здесь даже не все варианты.

Она подвигает список Джорджу, потом берет меня за локоть и поворачивает руку, чтобы изучить сердечко.

– Мило, – говорит она одобрительно, подбирает свою юбку и показывает кожу прямо над коленом, спрятанным под столом. – Моя татуировка меняется день ото дня, в зависимости от настроения.

Сердце воспаряет, когда узнаю написанное там предложение. Это фраза Элизабет Барретт Браунинг, нацарапанная петлистым почерком Беас: *Как веселый путешественник, выбери дорогу вдоль живой изгороди и пой.*

Беас опускает юбку, и она снова закрывает колено.

– И не думай, что я не вижу, как ты смотришь, Джордж.

Джордж смеется и качает головой, отмеряя жидкость в пробирке. Он наносит несколько капель на предметные стекла.

– Так дразняще, Беас.

– Болван, – говорит она, но улыбается и откидывает свой конский хвост на него, прежде чем вернуться к списку.

– Вариантов больше, чем в списке? – спрашиваю.

Джордж делает смесь из соленой воды.

– Несколько больше. Думаю, они слишком противозаконные, чтобы включать их сюда.

– «Противозаконные» – слишком сильное слово, – возражает Беас, приоткрывая карман юбки, чтобы показать фиолетовый мешочек внутри него. – Некоторые просто не любят их из-за того, что они могут привлечь излишне много внимания. Как Бури.

– Бури?

– Это полный отпад. Представь, каким был бы бег, если бы ты стала ветром, – говорит Джордж.

– Эти все еще остались с моего прошлого дня рождения, – говорит Беас, заталкивая мешочек обратно в складку юбки. – Я уже Совершеннолетняя, – объясняет она. – Вообще-то, я в классе Уильяма. – Она поджимает губы и рисует сову в шляпе на моем списке «Правил». – Давай просто скажем, что биология и я не совсем хорошо сработались в прошлый раз.

– Но в этом году все хорошо работает, не так ли? – бормочет Джордж себе под нос, но улыбается, выполняя часть эксперимента Беас.

– Я понимаю, почему им не нравятся Бури, – говорит Беас задумчиво, словно она не слышала Джорджа. Она добавляет молнии вокруг совы. – Но в действительности они по большей части безвредны, в отличие от более темных вариантов.

Когда она возвращает страницу, я вижу предупреждение, написанное внизу.

Все варианты, не указанные в этом списке, строго запрещены к использованию на школьной территории. Их использование приведет к серьезному наказанию и, возможно, к судебному разбирательству.

Темные варианты? Я размышляю. Есть варианты, которые могут навредить?

Доктор Дигби внезапно оказывается позади нас.

– Усердно работаете, я полагаю? – спрашивает он, но продолжает двигаться в ответ на приветствие Джорджа.

Джордж склоняется, чтобы добавить несколько капель соленой воды на предметные стекла.

– Вот так. Девчонки, взгляните.

– Нет необходимости, – говорит Беас, со скукой изучая страницу с нотами, которую вытаскила из футляра от скрипки. – Я помню, как оно выглядело в прошлом году.

Джордж отодвигается, чтобы освободить мне место, и я склоняюсь, чтобы снова настроить окуляры. Моим глазам нужно мгновение, чтобы приспособиться. Гладкие, аккуратные ряды клеток остались. Но их внутренности, высушенные солью, скукожились и искривились.

«Это просто лук», – думаю, отодвигаясь. Но мне все равно неприятно, оттого что нечто знакомое может исказиться так, что я больше не узнаю его мгновенно.

Глава 9

Миссис Клиффтон ждет нас после школы. Она припарковала машину на соседней улочке, рядом с садом.

– Хорошо прошел день? – спрашивает она, когда мы забираемся в машину.

Оба, Майлз и я, что-то уклончиво бормочем.

– Ну, дома вас кое-что ждет. – Она поворачивает ключ зажигания.

Женевьева приготовила маленькие чайные сэндвичи, порезанные треугольничками, и печенье с большим количеством арахисового масла, посыпанное сахаром. Но есть кое-что еще лучше: письма. Письма от Кэсс и отца, а это значит, что они их отправили, как только мы уехали. Я разрываюсь между выбором, чье письмо хочу прочитать первым, но Майлз хватается папино, поэтому я открываю письмо от Кэсс. Оно написано крупным, плавным курсивом и пестрит вопросами о Стерлинге и Клиффтонах. Представляю, как она приходит домой после первого дня в школе без меня, забирается по шаткой лестнице в свое единственное место в доме: чердачный уголок, заваленный подушками и одеялами. Мы часто читали там, особенно дождливыми днями. Там было достаточно места, чтобы мы обе могли вытянуть ноги на полу, и наши ступни касались окна, а бесконечный запас леденцов всегда был спрятан под одной из досок пола.

Дважды успеваю прочесть письмо от Кэсс, пока Майлз заканчивает папино.

– Можно теперь мне прочитать? – спрашиваю нетерпеливо. Он нехотя передает письмо. Кончики пальцев брата размазали некоторые слова.

Письмо папы более сдержанное, его почерк четкий и плотный. Скорее всего, он писал за своим столом, при свете лампы из зеленого стекла, куря трубку, на которой выгравирована шхуна. После дежурных вопросов насчет Стерлинга он пишет:

Лечу в Сан-Франциско завтра на «дугласе DC-3». В первый раз на самолете. Будем тренироваться неделю и потом отправимся в путь. Я не уверен, как часто смогу писать, находясь в море, или буду иметь возможность рассказать подробности о том, где я. Не хочу, чтобы вы волновались, если долгое время не будете получать вести от меня. Но знайте: где бы я ни был, это всегда намного дальше от вас, чем я хотел бы находиться, и что вы всегда в моих мыслях.

До того дня, когда мы снова будем вместе...

С сердцем, переполненным гордостью за вас двоих...

папа.

– Все? – спрашивает Майлз и выхватывает письмо из моих рук еще до того, как я могу ответить.

– О, – я выдыхаю, когда он снова складывает письмо по сгибам. Я хотела сохранить его, добавить в растущую коллекцию из кольца мамы, Шекспира, дротика отца и ленточки Кэсс. Как крепко я держусь за те осколки, что они оставили, когда теперь это все, что у меня есть от них.

– Как прошла школа? – начинаю.

Майлз пожимает плечами и выходит из-за стола. Он направляется на улицу, убирая письмо папы в задний карман штанов. Миссис Клиффтон встает с места, где она полола торчащие редкие сорняки в саду, и вижу, что она разговаривает с Майлзом, но не могу слышать слова.

Я сижу за столом на мгновение дольше, прежде чем меня осеняет: Уилл остался после школы для работы над проектом, доктора Клиффтона нет, а все остальные отвлеклись. Отдвигаю стул от стола, и он скрипит по полу. Лучшей возможности может и не представиться.

При дневном свете легче просматривать ряды книг, которые заполняют стены библиотеки доктора Клиффтона от пола до потолка. Полки располагаются даже вокруг камина и окон. Но, как и прошлой ночью, книги здесь нет.

Останавливаюсь рядом с аккуратно прибранным столом доктора Клиффтона. На там ничего нет, кроме серебряного кейса с красивыми ручками и пресс-папье из тяжелого камня. Становлюсь на колени, чтобы просмотреть ящички, осторожно, чтобы положить все, как оно было.

Когда дохожу до последнего ящика, нахожу аккуратную стопку бумаг. Серебристые буквы на обложке блестят мне: «*Мифы, легенды и предания Стерлинга: 35-е, юбилейное, издание*».

«Только для членов Совета» – выгиснено на коже.

Осторожно поднимаю ее.

«Пять минут, – думаю, – потом положу все на место».

Максимально быстро просматриваю первые страницы с генеалогическими деревьями самых, наверное, выдающихся семей Стерлинга. Девичьей фамилии мамы, Каммингс, здесь не присутствует.

Продолжаю листать. Каждый раздел содержит историю, отмеченную именами людей из города: Блайт, Пэттон, Фитцпатрик. Вступительная часть, кажется, – это история основания города и важных событий, таких как торжественное открытие Ярмарки урожая в 1850-х, но остальные слова бросаются в глаза: *виновный, подозрительный и возможный*. Периодически встречаются фотографии или таблицы, а дальше, примерно во второй трети книги, нескольких листов не хватает. Провожу пальцами по открытому переплету. Номера страниц перепрыгивают с 203-го на 208-й.

Кто-то вырвал листы.

Знаю, что трачу чересчур много времени. Мои пять минут пришли и ушли. Отрываюсь от дела, думая, что услышала нечто, потом переворачиваю страницы назад. Есть указатель. Когда подхожу к букве «К», замираю.

На переднем крыльце слышатся безошибочно узнаваемые шаги, звук поворачивающейся ручки. Замираю, когда тяжелая входная дверь захлопывается. Определяю, что это Уилл, по звуку его ровных шагов, отличающихся от шаркающей походки доктора Клиффтона и стука его трости. Засовываю книгу о Стерлинге на место и задвигаю ящик.

Потом, разумеется, переворачиваю серебряную кружку с ручками, которые со стуком падают на пол. Шаги Уилла стихают. Я вполголоса ругаюсь, подбирая ручки и ставя их снова на стол, когда Уилл заглядывает в библиотеку.

– Привет, – говорит он. Его темные брови изгибаются в удивлении. – Что ты здесь делаешь?

– Привет, – отвечаю преувеличенно радостно. – Просто искала... марку, чтобы написать папе.

По его лицу ясно, что лжец я не самый искусный.

– Думаю, они здесь, – говорит он, находит рулон марок в верхнем ящике отцовского стола и встречается со мной глазами, когда передает их мне. – Первый день прошел нормально?

– Неплохо, – говорю. – Но я отстаю по всем предметам. Так что мне надо приниматься за учебу. – Крепко держа рулон марок, прохожу мимо Уилла.

Когда захожу в комнату, кладу марки на ночной столик и падаю на кровать, сердце все еще бешено колотится. Мамин Шекспир рядом, и я хочу взять его в руки.

Вместо этого заставляю себя взять стопку школьных учебников. У меня есть дополнительные задания по каждому предмету, чтобы я могла догнать остальных.

Устраиваюсь на сиденье у окна и пролистываю главу по биологии. Но мысли продолжают возвращаться к книге о Стерлинге из библиотеки доктора Клифтона. «Тебе нужно изучать осмос», – говорю себе, заставляя глаза вернуться к словам передо мной. Вместо этого вижу позицию в указателе, которую я смогла заметить до прихода Уилла.

Я нашла маму под буквой «К», под ее девичьей фамилией. Там было написано «Каммингс, Джульет – Возможный Катализатор».

Но именно заметка после «Каммингс» заставила волосы на моих руках встать дыбом, словно Исчезновения могли быть частью чего-то более мрачного. Там было написано:

«Проклятие».

Глава 10

15 октября 1940 года

Птица: двуцветная дроздовая мухоловка

Кожа и перья птицы пропитаны парализующим нейротоксином, который она получает, питаясь жуками.

Яд выпускается при контакте и убивает всех врагов птицы, которые смеют ее коснуться.

Птица поглощает столько яда, что в результате сама становится ядом.

Когда мне было одиннадцать, я нашел двуцветную дроздовую мухоловку на страницах энциклопедии. Я рисовал птицу снова и снова, заполняя поля набросками. Точность моих изображений возрастала, пока я не знал всех деталей идеально на память. Клюв, похожий на кинжал. Голова с угольно-черными перьями, которые переходили в ярко-красную грудь. Цвета такие токсичные и тем не менее настолько яркие, что хотелось до них дотронуться.

Меня заворожила сильная, устрашающая красота этой птицы.

Она напоминала мне о рыжей девушке, которую я любил. Они обе – девушка и птица – могли остановить бьющееся сердце, если бы подманили тебя достаточно близко.

До месяцев, проведенных с Финеасом, те дни были самыми счастливыми в моей жизни. Короткие мерцающие недели, когда я думал, что она тоже, возможно, меня любит.

Как оказалось, она никогда не любила меня.

Финеас и я постепенно узнаем друг друга, пока выполняю разную работу у него дома.

Заменяю сгнившие доски под порогом и узнаю, что ему нравятся самолеты и музыка Шоссона. Вычищаю лишайник из сточной канавы, пока он рассказывает мне о картах, сигарах и хорошей бутылке бордо. Он говорит о земле, когда делает для нас яйца пашот по утрам: мое – более жидкое, а его – всегда сухое, как мел, и такое упругое, что может отпрыгнуть от стены.

Но более всего заметна его маниакальная любовь к чистоте, всегда идеальной.

Когда отдираю старую краску с двери, висящую как заусенцы, он присоединяется ко мне и передает мне теплую бутылку содовой.

– Кем ты хотел стать, когда был юным?

– Изобретателем.

– Тебе нравилась школа, когда ты учился?

Я моргаю и смотрю на океан, серый и неприветливый, но представляю себе инвалидное кресло. Вижу себя маленьким мальчиком, который наблюдает, как за окном сменяются времена года, рисует птиц. Представляю, как мы с Финеасом провели те же годы, выглядывая во внешний мир, мечтая о совсем другой свободе.

– Я никогда не ходил в школу. В один год даже примерял форму, но потом на меня напал грипп. – Колеблюсь. – Я... не был здоров, пока рос. Мои ноги не всегда так хорошо слушались.

– Что не так с твоими ногами? – спросил он. – Мне кажется, с ними все нормально.

– Теперь они намного сильнее. Я даже большие не хромаю.

– Ты попал в аварию? – спросил он. – Или заболел?

– Просто рант-синдром. Родился слишком рано. – Я старался говорить легко, но вместо этого взял и сделал ситуацию неловкой. Напомнил о дне смерти мамы. Я сделал длинный

глоток теплой содовой, и он отвел от меня взгляд, как люди всегда делают, когда я слишком поздно понимаю, что сказал что-то неправильное.

– Но с руками у меня никогда не было проблем. – Быстро засовываю руку в карман, чтобы показать ему деревянную птичку, которую вырезал еще подростком. Он берет ее и проводит большим пальцем по изгибу ее спины точно так же, как всегда это делал я. Это первое напоминание о себе, которое я вижу в нем. Движение, которое я проделал уже столько раз, что шероховатое дерево в том месте стало гладким как шелк.

Я забыл о школьной форме, которой так никогда и не воспользовался, как засыпал, держась за ее рукав, боясь, что она исчезнет ночью. Помню, что, когда эпидемия гриппа прошла, эта форма мне больше даже не подходила.

И тогда я сжег ее.

«Финеас, – почти говорю я, – что-то исчезает во мне каждые семь лет. Не знаю, почему и как это остановить. Но не волнуйся. Я научился с этим жить».

Вместо этого делаю глоток, пока всплеск храбрости не улечивается. Слишком большой риск. Исчезновения могли бы отпугнуть Финеаса, забрать единственное, чего я хотел. Остаться здесь и слушать, как он говорит о мелочах, пока я настраиваю радио на наши серийные программы. Так много шансов, подобных этому, пролетело мимо, что стало очень сложно рассказывать.

Прямо как одна из любимых загадок Джульет:

– Чему нужна темнота, а не свет, чтобы расти? – однажды вечером спросила она меня, когда мы были младше.

– Сдаюсь, – сказал я в итоге.

– Разве это не очевидно? – Ее глаза сверкнули, скорее серебром, чем серым. – Секретам.

Глава 11

К утру пятницы начинаю осваиваться и до смешного торжествую, когда нахожу лабораторию Дигби самостоятельно.

Беас переставляет футляр от скрипки, и я усаживаюсь рядом с ней. Сегодня вместо эксперимента доктор Дигби читает нам лекцию о митозе. Джордж старательно делает записи, а Беас, кажется, сочиняет музыку, укладывая потом листки с нотами в скрипичный футляр. Когда Дигби разворачивается к доске, мальчик с напomaженными волосами за столом перед нами поворачивается и губами беззвучно шлет мне «привет». Я улыбаюсь, краснею, тушуюсь и начинаю яростно записывать лекцию на бумаге.

Беас толкает меня.

– У тебя есть кто-то? – спрашивает она шепотом. – Кто-нибудь особенный ждет тебя в Гарднере?

– О, – я качаю головой, – э-э-э, нет.

Беас хитро улыбается.

– Тогда выбрала ли ты уже кого-нибудь здесь?

Она кивает на мальчика впереди нас. Он снова отвернулся и поставил кончик ручки на тетрадь, чтобы казалось, что он пишет. Но вместо этого он кладет голову на стол и собирается вздремнуть. Все это заставляет меня начать дико скучать по Кэсс. Она посмеялась бы над идеей, что я выбираю мальчиков. Почти вижу ее: зажмуренные глаза, как она прижимает подушку к животу, заливаясь самым настоящим захлебывающимся смехом, тем, что заканчивается иканием.

Вместо нее здесь только Беас, ее брови изогнуты, и она не понимает, насколько беспримерна такая ситуация.

– О чем ты? – спрашиваю. – Я здесь всего три дня.

– Вот именно, – отвечает Беас и закрывает тетрадь. – Ты – что-то новое, – говорит она как бы между прочим. – Они помнят, как остальные выглядели с хвостиками. Ты... таинственная.

– Правда, – шепчу, – они пропустили эру кровотечения из носа, когда мне было девять. Это испортило все влюбленности, которые могли бы быть, – говорю ей, – и мои любимые платья.

У нее низкий, гортанный смех.

– Ладно. Послушайся моего совета: не выбирай ту гориллу. – Она кивает на спящего мальчика. – Он плохой вариант.

Звенит звонок, отпуская нас всех на следующий урок. Я набираюсь храбрости спросить Беас, есть ли у нее планы на выходные, когда она собирает книги и прощается:

– Увидимся на следующей неделе.

– Увидимся, – говорю, вдруг пожелав, чтобы мы были в одном классе и у нас могло быть больше общих занятий. Засовываю учебник в сумку, говоря себе: «Мне не нужны лучшие друзья. Скоро я снова буду дома, с Кэсс и папой».

Когда заканчивается последний урок, машу на прощание Джорджу, который стоит в передней части класса и разговаривает с учителем. Он не перестает говорить, но кивает мне. Сегодня его галстук лишь немного помнят.

Только я присоединилась к ученикам в коридоре, текущим навстречу солнцу, как кто-то толкает меня сзади настолько сильно, что я врезаюсь в шкафчик.

Ударяюсь и поднимаю глаза вовремя, чтобы увидеть бритый затылок.

Это мальчик из команды Уилла – Питерсон – тот, кто получил удар локтем от Уилла. Он не извиняется, вместо этого продолжает идти вперед с таким самодовольным видом, что подозреваю: он толкнул меня неслучайно.

Восстанавливаю равновесие и сердито смотрю ему в спину. Ленточка Кэсс вяляется на полу, выпав из кармана. Быстро опускаюсь на корточки, чтобы стряхнуть с нее пыль. Когда встаю, вижу дальше по коридору Беас. Она направляется ко мне через движущуюся массу учеников.

Жду ее, решив, что спрошу, хочет ли она как-нибудь позаниматься вместе. Но, пока наблюдаю за ней, другая девочка грациозно выбирается из толпы и присоединяется к Беас. Ее светлые волосы ниспадают на плечи идеальной пышной волной, и у нее горящие глаза нефритового цвета, а ноги такие длинные, что школьная форма кажется на несколько дюймов короче, чем у остальных. Я способна ощутить ее уверенность даже с того конца коридора.

– Это новая девочка, которая остановилась у Уилла, – говорит блондинка Беас, когда они достаточно близко для того, чтобы я могла их услышать. Я отворачиваюсь и укрываюсь за колонной, пока они проходят мимо. – Думаешь, ей известно, как неприятно другим, что она здесь? Учитывая то, как все относились к ее матери, и прочее?

– Знаешь, мы на занятиях вместе сидим. Она достаточно милая. Мне она нравится. – Беас поправляет футляр от скрипки, когда они проходят около колонны.

– Ты говоришь так, словно она домашнее животное, которое ты хочешь оставить, – шепчет другая девочка. – Добренькая Беас, которая всегда присматривает за сбившимися с пути. Но лучше все-таки близко не подходить. Она может быть здесь, чтобы закончить то, что начала ее мать.

– Элиза, – поет низкий голос Беас, – я слышала, что жестокость добавляет морщин и превращает тебя в старуху.

– О, Беас, – отвечает Элиза и шутливо хлопает ее по руке, – тебе повезло, что я нахожу твое нахальство очаровательным. – Они доходят до главных дверей и исчезают в солнечном свете.

Прячусь в тени, снова и снова разглаживая волосы над ухом. «Не смей плакать», – отчаянно твержу себе. Как кто-то может ненавидеть меня еще до того, как встретил?

Успокаиваю себя списком финальных слов. На ум приходит несколько грубоватых, прежде чем останавливаюсь на слове «озлобленный». И даже тогда не сразу могу выйти из-за колонны, пройти по коридору и поискать знакомые очертания машины Клифтонов.

Вместо этого замечаю Уилла. Он прислонился к одной из яблонь в саду, его школьная сумка висит на длинном ремне через плечо. Он не в своей форме для тренировок и, кажется, кого-то ждет.

Когда замечает меня, выпрямляется.

– Айла, – зовет он, – мне нужно кое-что сделать. Хочешь пойти?

– Конечно, – говорю, все еще пытаясь выбросить из головы то, что сказала Элиза.

И тогда вижу ее. Она сидит на стене двора вместе с Беас. Ее лицо искажается от удивления, когда я иду к Уиллу, а потом так же быстро, как появилось, сменяется безразличием.

О, теперь все понятнее.

Но меня удивляет то, насколько легче становится на сердце с каждым шагом ближе к Уиллу, как замечаю ветер, ласкающий юбкой заднюю часть моих колен, и как я не уверена, что делать с руками в тот момент, когда он поднимает взгляд и улыбается достаточно широко, чтобы я могла заметить тот один искривленный клык.

– Айла идет со мной, – говорит Уилл матери сквозь открытое окно в машине. – Вернемся к ужину.

Мы кладем наши школьные сумки на заднее сиденье, а Майлз забирается на переднее. Он смотрит то на меня, то на Уилла с выражением, которое подразумевает, что он собирается сказать что-то неловкое.

– Пока, Майлз! – говорю и поспешно захлопываю дверь. Он прижимает губы и щеки к стеклу, когда машина уезжает, и это вызывает смех Уилла.

– Не поощряй его, – бормочу. – Так куда мы идем?

– Подумал, ты захочешь увидеть Рыночную площадь.

– Где продают варианты?

Он кивает, и я спешу, чтобы не отставать от его широких шагов, через тени, отбрасываемые ветками деревьев в саду, проходя через полосы тени и солнца. Осознаю, что мы снова одни, и почему-то нервничаю и волнуясь.

– Можно задать вопрос?

– Конечно, – отвечает он.

Я не смогла перестать думать о словах, которые увидела в книге о Стерлинге. Проклятие. Теперь, в солнечном свете, с Уильямом всего в паре сантиметров от меня, все кажется не таким пугающим, как в библиотеке доктора Клиффтона.

– Почему, как думаешь, Исчезновения произошли здесь?

Желвак на челюсти Уилла дергается.

– Знаешь, – говорит он и, прищурившись, смотрит на небо, – это не только в Стерлинге.

Я широко открываю рот.

– Что ты имеешь в виду?

Замечаю с легким ужасом, что он в действительности не ответил на мой вопрос.

– Два других соседних города, – поясняет он, – Коррандер и Шеффилд. Мы называем себя побратимами. Когда-либо слышала о них?

Я качаю головой.

– Не слышала ничего об этом. Как такое возможно? Почему все должно быть таким секретом?

– Ну, во-первых, подумай, что произойдет, если все остальные в мире поймут, что могут получить выгоду, продавая нам простейшие прелести жизни.

– Но, думаю, чем больше людей знало бы, тем больше было бы шансов найти...

– Аккуратней. – Он показывает на корень, торчащий из земли, и, когда я обхожу его, продолжает: – Думаю, сначала прошел слух о потерянном запахе. Было несколько любопытных посетителей. Моя бабушка говорила, что некоторым жителям казалось, что за ними наблюдают, как за животными. Большинство приезжих были милыми и надеялись помочь. Но были и другие, те, что продавали нам испортившееся мясо, так как знали, что мы не почувствуем запаха, или разбрасывали разлагающийся мусор в местах, где мы его не увидели бы. В бакалее Фитцпатрика однажды пропало множество продуктов, и к тому времени, как он нашел спрятанную кем-то кучу, там уже завелись личинки и вредители.

Я бледнею.

– Не знаю, почему столько людей хватается за любой шанс быть жестокими.

Он отмахивается.

– В любом случае, так как Исчезновения продолжались, нам понадобилось не так много времени, чтобы понять, что они делают нас уязвимыми. Поэтому города проголосовали держаться вместе, сформировать Совет и все хранить в тайне. И мы относимся к этому серьезно, чтобы защищать друг друга.

– И люди не уезжают? – спрашиваю я. – Или... – я колеблюсь, – не могут?

– Мое отражение не вернется просто потому, что покину Стерлинг, в отличие от твоего. – Его желваки снова дергаются. – Ты – гостья. Исчезновения будут влиять на тебя, только пока

ты здесь. Но я родился с этим. Это у меня в крови. Единственное облегчение теперь временное, и это – варианты.

Он сворачивает в густую рощу деревьев с белыми цветами. Ветерок сгибает ветки, срывая лепестки, и они падают вокруг нас словно снег.

Внезапно становится понятно, почему война здесь кажется такой далекой. Стерлинг похож на драгоценный фрукт, запертый в стеклянной витрине.

Я сглатываю. Но этот плод гниет.

Уилл неловко переминается с ноги на ногу. Его голос приобретает горьковатую окраску.

– Так что мы остаемся в Стерлинге. – Он протягивает мне лепестки, мягкие как пух. – Вот, сохрани их на потом.

Он снова продолжает путь. Деревья столпились так плотно, что скоро становится больше теней, чем солнца. Я смотрю на лепестки, которые он отдал мне, на утолщения белых жилок, пробегающих по ним, когда он внезапно хватает меня и утягивает за дерево. Дыхание учащается от удивления, но он поднимает палец к своим губам и качает головой.

Теперь я слышу голоса, отдаленные, тихие.

Я стою достаточно близко, чтобы ощущать дыхание Уилла.

– Это больше, чем в прошлый раз, Ларкин, – кто-то протестует.

– Это экономика. Спрос поднялся. Так ты хочешь это или нет?

Тело Уилла напрягается, а я пытаюсь не думать о том, что никогда не стояла так близко к мальчику, не к Майлзу и не к папе.

Наступает пауза.

– Ладно.

– Уверен, что это все, чего ты хочешь? Не могу гарантировать, что в следующий раз не будет еще дороже.

– Я не могу позволить себе больше по такой цене, – ворчит покупатель. Слышны звон монет и шелест бумаги, а потом шаги, затихающие глубже в лесу, в противоположных направлениях.

Даже когда они уходят, Уилл полностью не расслабляется, но внимательно слушает и отходит от меня на шаг.

– Теперь можем идти, – говорит он. – Это были дилеры с черного рынка. Было бы... неудачно, если бы мы набрали на них.

Я думаю о предупреждении в руководстве по вариантам, о нелегальных и опасных вариантах.

И спешу, чтобы снова догнать его.

– Ты уже можешь ощутить напряжение, – говорит Уилл, ослабляя узел галстука. – Оно растет. Все будут становиться более пугливыми, пока мы не узнаем, что исчезнет следующим. – Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Глаза у него цвета чистого неба. – К несчастью, ты приехала как раз вовремя, чтобы увидеть город в худшее время.

– Кое-что из этого мне все еще кажется ненастоящим, – признаюсь.

– А для меня все наоборот, – говорит он. – Завораживающе видеть Стерлинг глазами кого-то постороннего. – Я замечаю, что он ведет нас по пути, петляющему между деревьями, вместо того чтобы идти напрямую, словно пытаюсь не оставить тропинки, по которой кто-то может последовать.

– Только несколько людей рискнуло покинуть города-побратимы, – говорит он. – Старшая сестра Элизы Пэттон работает в опере в Нью-Йорке. Она просто изо всех сил притворяется, что испытывает пропавшие чувства. Но с каждым новым Исчезновением делать это становится все труднее.

Перед нами высокая каменная стена, покрытая мхом и плющом. Она кажется еще выше, когда мы приближаемся к ней, пока не нависает над моей головой, и я внезапно надеюсь, что

Уилл не ждет, что я заберусь по ней. Конечно, я могла бы, но предпочла бы не делать этого в школьной юбке.

Но карабкаться не пришлось, вместо этого Уилл ступает вперед и разводит ветки плюща на стене. Рядом с ржавыми петлями на двери выведена серая надпись, и я улавливаю низкий гул голосов за стеной. Уилл поворачивает ручку двери, и мы переступаем порог.

– Уильям! – Огромный мужчина стоит внутри, явно кто-то вроде охранника. Он берет руку Уилла и тепло ее пожимает.

Потом, увидев позади парня меня, бросает на него странный, вопрошающий взгляд.

– Она со мной. – Это все, что потребовалось сказать Уиллу, и мужчина отходит назад, пропуская нас.

Мы заходим во двор с большим открытым Рынком. Ветви деревьев над нами образуют подобие крыши. Деревянные будочки стоят вдоль тропинки, ведущей к тому, что когда-то, вероятно, было красивым домом.

– Он большой, – шепчу я Уиллу.

– Есть только один Рынок на все три города-побратима, и он открыт всего несколько дней в неделю. Теперь держись ближе ко мне, – говорит он.

Я спешу за ним по тропинке, сопротивляясь желанию взять его за руку.

Рынок находится в постоянном полумраке под ветвями деревьев, но будочки и дорожки подсвечиваются столбиками в земле, сияющими чем-то ярким, но не совсем огнем.

– Варианты Мерцания, – объясняет Уилл, когда видит, что я смотрю на них.

На прилавках будочек мерцают мешочки и стеклянные бутылочки. Названия вариантов написаны на мозаичных табличках. Мы проходим мимо стола, на котором лежат куски мыла с вариантами, и я улавливаю едва различимый запах сирени. Женщина склоняется, чтобы понюхать мыло, хрустящий белый кусочек, перевязанный лавандовой лентой, и я хочу протянуть руку и дотронуться до него, поднести к носу и глубоко вдохнуть. Вместо этого продолжаю идти, чтобы не отстать от Уилла.

Горстка вариантов разбросана на следующем столе в качестве образца. Когда ветерок раздвигает ветви, варианты ловят лучи солнца. Они мерцают, как бриллианты, на грубой поверхности дерева.

Мы забираемся по ступеням в развалины дома. Часть задней стены обрушилась, и второй этаж выглядит особенно непрочным. Но полы подмели, и ряды будочек и продавцов приносят определенное ощущение порядка. У меня очень странное чувство, как будто я сразу и внутри, и снаружи, с виноградной лозой и сорняками, которые кружевами вьются вдоль стен, и вариантами Мерцания, освещающими комнату из ржавых канделябров. Уилл ведет меня по узкому коридору в большую комнату с обветшавшими обоями, покрытыми лишайником. Чувствую уколы внимания, легкие взгляды и более открытый интерес, не совсем дружелюбный. Я – посторонний человек, которому здесь не место, призрак своей матери, вернувшийся в Стерлинг после стольких лет.

Я держусь к Уиллу настолько близко, насколько осмеливаюсь, замечая, что *он* словно успокаивает людей. Некоторые нас полностью игнорируют, но многие улыбаются ему, наклоняют головы, заметив его красивое знакомое лицо.

– Вернемся, когда будешь Совершеннолетней, – говорит Уилл тихим голосом, словно дело только в этом. – Технически до того момента тебя здесь не должно быть.

Свет проникает сквозь иголки деревьев и окна без стекол. В комнате три отполированных деревянных стола, один из них с огромной трещиной по центру. На табличке на первом столе написано «Ночное зрение», на втором – «Внутренний взор», на последнем – «Покрывало».

Варианты Ночного зрения темные и кажутся холодными на ощупь, словно черный песок. Они выставлены в плотных бархатных мешочках, покрытых угольно-черными камнями, в то время как варианты Внутреннего взора – смесь серебра и розовато-серого переливчатого

цвета, как внутренняя сторона раковины. Густая перламутровая жидкость налита в стеклянные пузырьки в форме миниатюрных шаров.

Уилл выбирает коричневый замшевый мешочек с вариантами Покрывала, предъявляя торговцу карточку Совершеннолетнего, и передает три золотые монетки, которые непохожи на валюту, виденную мной до этого. Я думаю о том, что он сказал: что люди чувствуют себя в ловушке, о стенах, смыкающихся вокруг них все плотнее, каждые семь лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.